

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМЕНИ А.М. ГОРЬКОГО РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУР СТРАН АЗИИ И АФРИКИ
ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М.В.
ЛОМОНОСОВА

XI Международная научная конференция

ВОСТОЧНЫЕ ЧТЕНИЯ: РЕЛИГИИ. КУЛЬТУРЫ. ЛИТЕРАТУРЫ

23-24 октября 2025 года

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

23-24 октября в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН (ИМЛИ РАН) состоялась XI Международная конференция «Восточные чтения. Религии. Культуры. Литературы». Это значимое научное мероприятие, включавшее разнообразные секции, посвященные литературе, культуре и истории стран Востока.

В работе конференции приняли участие ученые, аспиранты и студенты из ведущих российских вузов и научных организаций, представляющие различные направления востоковедения. Доклады проходили в смешанном формате.

Со вступительным словом на открытии конференцию выступил академик РАН, доктор филол. наук, научный руководитель ИМЛИ РАН, специалист по арабской литературе Александр Борисович Куделин.

На пленарном заседании свои доклады представили академик Куделин А.Б., доктор филологических наук, зав. кафедрой тюркской филологии Репенкова М.М. (ИСАА МГУ), доктор филологических наук, зав. кафедрой иранской филологии (ИСАА МГУ), профессор Рейснер М.Л., доктор филологических наук, в.н.с. (ИМЛИ РАН) Балданмаксарова Е.Е. и доктор филологических наук, профессор Кравцова М.Е.

Межрегиональная секция «Молодые востоковеды» собрала молодых специалистов (студентов, магистрантов и аспирантов) представлявших исследования по персидской литературе, фольклору Мадагаскара, буддийской поэзии и философским аспектам восточных культур.

На Секции литератур Африки обсуждалась проблематика постколониальной литературы различных регионов Африки, влияние исламских и европейских культурных ценностей, а также темы миграции и транскulturации.

Секция литератур Ближнего и Среднего Востока была представлена докладами о современном арабском романе, образах исламизма, жанровом своеобразии урдуязычной литературы и других аспектах восточной прозы.

Старший преподаватель НИУ ВШЭ Е.В. Гимон рассказала о роли эпиграфов в романе марокканского писателя Абдель Маджида Сабаты "Файл-42", демонстрируя новые тенденции в арабоязычной прозе. Доктор филологических наук и зав. кафедрой индийской филологии (ИСАА МГУ) Е.О. Акимушкина подробно рассмотрела жанровое своеобразие урдуязычного романа инициации XXI века, анализируя творчество Умеры Ахмад. Преподаватель узбекского филиала ВГИК Ян Миленин рассказал о специфике узбекского кинематографа в контексте взаимосвязи культур, религии и литератур Востока и Запада.

Весь день 23-го октября работала Секция литератур Японии, которая собрала уникальных специалистов из Москвы и Санкт-Петербурга: НИУ ВШЭ, СПбГУ, МГУ, ИВ РАН, МГПУ; были представлены ведущие университеты Японии: Муниципальный университет иностранных языков г. Кобе, Научно-исследовательский институт культурного наследия Нара.

Традиционно на «Восточных чтениях» работала Секция литературы Христианского Востока. Участники представили доклады о сюжетах библейских текстов (доклад к.ф.н. Кирилловой А.А.), коптских источников (доклад к.ф.н., с.н.с. Отдела истории и культуры Древнего Востока Франгулян Л.Р.), обсудили специфику смеховой культуры сирийских христиан (доклад к.ф.н., в.н.с. Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ Минова С.В.), а также позднеантичные и византийские тексты (доклады ведущих научных сотрудников Отдела античной литературы ИМЛИ РАН д.ф.н. Александровой Т.Л. и д.ф.н., Балаховской А.С.). Эти выступления способствовали углубленному пониманию христианской традиции Востока в её историческом, культурном и литературном аспектах, усилив междисциплинарный характер конференции и подчеркнув актуальность исследований христианского наследия Востока в современном научном дискурсе.

Секция литературы Юго-Восточной Азии была представлена, в частности, докладами петербургского специалиста по кхмерской литературе Д.Ю. Охват, вьетнамиста Е.Ю. Кнорозовой (к.ф.н., н.с. Отдела литератур стран Азии и Африки БАН) и В.А. Саенгнатесванг (к.ф.н., с.н.с. ИМЛИ РАН; преподаватель Университета Тхамасат, Таиланд). Кандидат филол. наук, доцент кафедры филологии Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии ИСАА МГУ доцент М.В. Фролова осветила эволюцию хоррор-дискурса в индонезийской литературе. Кандидат филол. н., зав. Отделом литератур Азии и Африки ИМЛИ РАН, Кукушкина Е.С. представила доклад о героинях хроники «Малайские родословия» XVII века и их отражении в современной малайзийской литературе, раскрывая театральные традиции региона.

В этом году на «Восточных чтениях» впервые была организована секция «Всемирная литература», которая органично вписалась в программу мероприятия, подчеркивая важность и неизбежность обсуждения связей русской классической литературы с Востоком. Свои доклад в рамках секции представили сотрудники Архива А.М. Горького (ИМЛИ РАН), а также коллеги из Амурского государственного университета (г. Благовещенск)

Эта секция стала настоящей находкой конференции, которая проводится уже более десяти лет, поскольку вопросы влияния восточных культур и литературных традиций на творчество русских писателей требуют активного осмысления. В рамках секции участники представили доклады, раскрывающие взаимодействие русской литературы с восточной культурой, исследовали, как восточные мотивы и идеи проникали в творчество российских классиков. Были обсуждены конкретные примеры влияния восточных литературных традиций на произведения таких авторов, как Горький и Л.Н. Толстой, что позволило глубже понять культурные и исторические взаимосвязи между Востоком и русской литературной традицией.

Организаторы и участники секции подчеркнули, что эта тематика была неизбежна для «Восточных чтений», учитывая значительную роль Востока в формировании культурного и литературного сознания России. Создание такой секции уже стало важным шагом в развитии конференции и в дальнейшем может стать регулярной площадкой для комплексного исследования межкультурных взаимодействий. Таким образом, Секция «Всемирная литература» не только расширила формат конференции, но и существенно обогатила научный диалог, став важным элементом понимания истории и современности востоковедческих исследований в контексте мировой культуры.

Прошедшие «Восточные чтения» вновь послужили важной платформой для научного диалога и обмена мнениями и научными изысканиями российских и зарубежных востоковедов, способствуя развитию междисциплинарных подходов и привлечению молодых исследователей к проблематике восточной литературы и культуры. Конференцию посетили свыше 80 человек, а гибридный формат мероприятия дал возможность заслушать доклады спикеров из Китая, Индии, Таиланда, Японии, Узбекистана и Беларуси. Организаторами конференции выступили Отдел литератур Азии и Африки Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН и сотрудники ИСАА МГУ.

Н.С. Фролова

ЛИТЕРАТУРЫ АФРИКИ

А.В. Грибова

(Москва, ИСАА МГУ)

ПАРАЛЛЕЛИЗМ ЛИЧНОГО И СОЦИАЛЬНОГО В РОМАНЕ АЙОБАМИ АДЕБАЙО «ОСТАНЬСЯ СО МНОЙ»

В докладе исследуется сложное взаимодействие личного и общественного в дебютном романе Айобами Адебайо «Останься со мной» (2017), в котором личные переживания структурируются и усиливаются коллективными ожиданиями, политическими беспорядками и гендерными культурными нормами. Центральный сюжет романа — распад брака под гнетом бесплодия и общественного давления — укоренен в более широком нигерийском социально-политическом контексте 1980-х и 1990-х годов, отмеченном нестабильностью, молчанием и репрессиями. Вместо того, чтобы рассматривать домашнее и национальное как отдельные сферы, Адебайо конструирует их как глубоко взаимозависимые: горе и обман семейной пары отражают крах доверия в обществе, управляемом патриархальными ценностями и авторитарным правлением. Таким образом, личный рассказ Йеджиде о потере проявляется как отражение коллективной травмы и одновременно сопротивление ей.

Адебайо использует многослойную повествовательную структуру и меняет фокусировку, чтобы подчеркнуть этот параллелизм, дестабилизируя линейную временность и создавая разрывы повествования, которые отражают как личную травму, так и историческое насилие. Определяя личное как по сути общественное, «Останься со мной» позиционирует женский опыт — часто ограниченный сферой домашнего — как законный локус национального дискурса. Поступая так, Адебайо продолжает традицию политически ангажированной нигерийской

литературы, одновременно формируя отчетливо женский и эмоционально резонансный голос.

*Сведения об авторе: Грибова Анастасия Владимировна — аспирант
Кафедры африканистики ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова; e-
mail: anastasia.v.gribova@gmail.com*

К.С. Ёлчева

(Москва, ИСАА МГУ)

**«ПРОТЕСТНАЯ ПРОЗА» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И
АФРИКААНСЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЮЖНОЙ АФРИКИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

С середины XX века в Южной Африке всё масштабнее разворачивались политика расовой сегрегации и режим апартеида. Напряжение в обществе и политическое давление со стороны государства привели к формированию протестных настроений среди передовых южноафриканских писателей. «Литература протеста» нашла своё отражение в различных литературных традициях Южной Африки, в частности, ряд всемирно известных произведений были созданы англоязычными (Надин Гордимер, Алекс Ла Гума, Питер Абрахамс и др.) и пишущими на языке африкаанс (Андре Бринк, Брейтен Брейтенбах, Адам Смолл и др.) авторами.

Несмотря на общность причин возникновения и тематики, протестная литература двух традиций заметно различалась. В частности, конфликт англоязычных протестных произведений зачастую был более политизированным, а главными героями выступали активисты, настроенные на решительную подпольную борьбу против режима. В то же время, героями протестной прозы на языке африкаанс обычно становились среднестатистические люди, для которых противостояние апартеиду было связано с личным выбором и переживаниями. Таким образом, писатели различных литературных традиций представляли разные точки зрения разных сообществ на социально-политические события в Южной Африке.

*Сведения об авторе: Ёлчева Ксения Сергеевна — магистрант, лаборант
Кафедры африканистики ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail:*

xeniayolchevmain@gmail.com

О.Ю. Завьялова

(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ И ИСЛАМСКИХ ЦЕННОСТЕЙ НА УСТНУЮ ЛИТЕРАТУРУ МАНДЕН (ЗАПАДНАЯ АФРИКА)

Устная литература народов манден характеризуется многообразием жанров. Ее произведения часто переходят из устной традиции в письменную литературу или экранизации. Интересно, что после такой фиксации тексты могут снова возвращаться в устное бытование, претерпевая изменения. Зачастую такие изменения происходят вследствие влияния европейских и исламских ценностей.

Европейские ценности оказали достаточно большое влияние на малийцев и гвинейцев: часть норм, провозглашенных в Хартии, также как и интерпретация Клятвы манден находятся под их влиянием. Наряду с традиционными нормами в Хартии записаны статьи, скорее соотносящиеся с требованиями современности. Особенно это касается вопроса рабства в Западной Африки, который сегодня африканцы пытаются пересматривать, забывая историю. Подобная реинтерпретация затрагивает и образы эпических героев: Нголо Джара, например, правителя Сегу, который был в детстве рабом. Образы и трактовки действий других эпических героев, таких как Сумаоро Канте или Сундьята, также пересматриваются носителями культуры в их устной литературе.

Интересно обратить внимание на фильм «Правители Сегу» Бубакара Сидибэ, в котором великий Битон Кулибали осуждается за его единоличную власть и практику обращения подданных в рабов, хотя подобное происходило и до него. Характерно, что (как и многие произведения современной малийской литературы) фильм изначально был на французском языке, но позже был сделан перевод на бамана.

Нельзя не учитывать и влияние ислама, которое началось значительно раньше европейского. Оно заметно даже в огромном пласте пословиц с упоминанием Аллаха и исламскими отсылками. Некоторые гриоты рассматривают и эпос о Сундьяте как борьбу язычества с исламом и их трактовки весьма популярны.

Происходит и обратный процесс: при пересказе или адаптации авторы стремятся приблизить историю к мировосприятию самих манден. Так, Дарамани Таравеле в книге «История бамана Каарты, Сегу и фульбе Масины» сместил акцент с фактов на личности основателей и видных представителей родов и преемственность власти.

Сведения об авторе: Завьялова Ольга Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент Кафедры африканистики Восточного факультета СПбГУ; e-mail: jontan@mail.ru

Р. П. Ильина

(Санкт-Петербург, СПбГУ)

СКАЗКА ОБ ИМАЙЦУАНАЛЕ КАК ФОЛЬКЛОРНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ МАДАГАСКАРА

Сказки Мадагаскара очень интересны как источник знаний о старейших традициях местных народов. Исследователи сходятся во мнении, что малагасийский фольклор недостаточно изучен, как и древнейшая история этого острова. А тем временем Мадагаскар представляет собой довольно уникальный случай с точки зрения синкретизма различных культур, от изначальной, родом из Юго-Восточной Азии, до французской и современной глобальной. Тем не менее, сведения о прошлом местных народностей довольно обрывочны, и фольклор представляет собой уникальный источник знаний о традиционной малагасийской культуре.

В этой работе рассматривается малагасийская сказка об Имайцуанале, а также несколько других сюжетов. Любопытные параллели, примеры традиций и аномалий, наблюдаемые в этих сказках, служат примером того, как богатство устной традиции даёт нам возможность строить гипотезы о далёком прошлом. Здесь можно проследить, как сказочные сюжеты разного происхождения фиксируют и переносят всевозможные элементы традиционной культуры – от пищевых табу до сакрального брака, а также как они проявляются в более поздней истории, создавая уникальный культурный ландшафт Мадагаскара.

Сведения об авторе: Ильина Рина Павловна — магистрант Кафедры африканистики Восточного факультета СПбГУ; e-mail: st0088161@student.spbu.ru

Н.Ю. Ильина (Москва, МГЮА)

А.А. Келехсаева (Москва, РУДН)

НОВЫЙ РОМАН НИГЕРИЙСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ ЧИМАМАНДЫ НГОЗИ АДИЧИ

В марте 2025 года вышел в свет роман всемирно известной англоязычной писательницы Нигерии Чимааманды Нгози Адичи «Мечты и грезы», который продолжает начатую в предыдущем произведении автора «Американа» (2013) тему миграции африканцев в США, стремление к интеграции в новое общество с целью занять в нем достойное место, стать успешными и счастливыми.

Роман создан в русле основного потока англоязычной романистики Нигерии, развивающейся в реалистическом ключе, однако по глубине и охвату проблем превосходит многие нигерийские произведения, созданные в новейшее время. Автор изображает судьбы современных африканок на фоне сложной социально-политической ситуации в постколониальной Нигерии. Поднимаются проблемы борьбы за права африканских женщин, сложного характера культурной самоидентификации.

Ч. Нгози Адичи, принадлежащая к народности игбо, прославляет культуру и уникальный колорит языка игбо, подчеркивая особенности мировидения нигерийцев.

Сведения об авторах: Ильина Надежда Юрьевна – доцент, заведующий Кафедрой английского языка МГЮА им. О.Е. Кутафина; e-mail: ilinadezhda@yandex.ru

Келехсаева Анна Александровна — кандидат филологических наук, старший преподаватель РУДН им. Патриса Лумумбы; e-mail: anna.alex.borisova@gmail.com

Е.В. Морозов

(Москва, ИАФР РАН)

ОБРАЗ ИМПЕРАТОРА ЭФИОПИИ ХАЙЛЕ СЕЛАССИЕ В РОМАНЕ МААЗА МЕНГИСТЕ «ЦАРСКАЯ ТЕНЬ»

Роман Мааза Менгисте «Царская тень» (The Shadow King), опубликованный в 2019 г., представляет собой мощное художественное переосмысление Итало-эфиопской войны 1935–1941 гг. через призму женского опыта, коллективной памяти и исторической несправедливости. Образ императора Эфиопии Хайле Селассие предстает в неожиданном и многослойном аспекте – не как героического и непогрешимого лидера, а как человека, охваченного сомнениями, страхом и одиночеством. Обычно воспринимаемый как символ национального единства и сопротивления фашистской агрессии, в художественной интерпретации Менгисте он становится олицетворением власти, оторванной от реальности и народа. Писательница акцентирует внимание на психологическом портрете императора: его растерянность перед лицом катастрофы, переживания в изгнании, стремление сохранить остатки достоинства при осознании собственной беспомощности. Через такие образы раскрывается тема разрыва между официальной историей и подлинной человеческой трагедией.

Менгисте использует художественные стратегии демифологизации – множественные перспективы, символику, иронию – чтобы поставить под сомнение культ личности и традиционное представление о власти. Хайле Селассие в романе – не столько историческая фигура, сколько литературный образ, с помощью которого автор осмысляет национальную травму. На фоне этой фигуры особенно ярко звучат голоса ранее маргинализированных героев — женщин, участвовавших в сопротивлении, чьи подвиги долгое время оставались в тени. Таким образом, «Царская

тень» предлагает переосмысление не только личности императора, но и самой истории, где проблема памяти, власти и истины становится предметом художественного спора.

Сведения об авторе: Морозов Евгений Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии Института Африки РАН; e-mail: evmorozov2012@yandex.ru

В. С. Сергейчук
(Москва, НИУ ВШЭ)

АРХЕТИП ТРИКСТЕРА В АЗИАТСКОЙ И АФРИКАНСКОЙ МИФОЛОГИИ

Целью является выявление особенностей трикстера в мифологии Азии и Африки через сравнительный анализ. Исследуются Сунь Укун (Китай), Сусаноо (Япония), паук Ананси (ашанти), Заяц (банту) и Цагн (бушмены).

Важным аспектом исследования становится выявление культурно-специфических черт трикстеров в разных традициях при сохранении их архетипического ядра.

Основные выводы исследования демонстрируют, что, несмотря на культурные различия, азиатские и африканские трикстеры обладают рядом общих характеристик: амбивалентностью природы (сочетание созидательного и разрушительного начал), способностью к трансформациям и оборотничеству, посреднической функцией между мирами. Исследование позволяет сделать вывод об универсальности архетипа трикстера как культурного феномена, одновременно отражающего специфику отдельных культурных традиций.

Сведения об авторе: Сергейчук Валерия Сергеевна — студент НИУ ВШЭ; e-mail: vssergiychuk@edu.hse.ru

В.Л. Соколова
(Москва, МГЛУ)

СИНКРЕТИЗМ КУЛЬТУР ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОМ АЛЖИРСКОМ РОМАНЕ: ОТ НАЦИОНАЛЬНЫХ АРХЕТИПОВ К ГЛОБАЛЬНОМУ НАРРАТИВУ

Франкоязычный алжирский роман представляет собой уникальное пространство культурного синкретизма, где пересекаются берберские и арабские традиции, исламская духовность и французское колониальное наследие. В условиях постколониальной реальности писатели сталкиваются задачей: сохранить и представить национальную идентичность в условиях культурного и языкового разнообразия Алжира (кабилы, берберы, арабы), что реализуется посредством культурного трансфера, одной из особенностей которого является экзотизация автохтонных культур.

Франкоязычный алжирский роман создает лингвокультурологическую формацию особого типа, где объединяются устные традиции берберов и мифология арабов, а французский язык имеет двойственный статус. Так, он сохраняет статус языка-медиатора и считается инструментом культурного доминирования и элитарности. Инструменты вербализации культурных кодов в алжирском франкоязычном романе носят тропеический характер, где основным тропом является метафора. Культурный трансфер реализуется посредством схемы «от локального к глобальному».

Сведения об авторе: Соколова Виктория Леонидовна — аспирант, преподаватель Кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка МГЛУ; e-mail: viviso.1602@gmail.com

Я.В. Творилова
(Ярославль, ЯГПУ)

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В РОМАНЕ ЯИ ГЬЯСИ
«TRANSCENDENT KINGDOM»**

В романе «Transcendent Kingdom» ганской и американской писательницы Яи Гьяси рассматривается столкновение религиозного и научного мышления, поднимаются проблемы зависимости и этнической идентичности. Интертекстуальность является одной из ярких лингвистических особенностей романа, позволяющей в полной мере раскрыть авторский замысел.

В тексте романа встречаются паратекстуальные и медиатекстуальные элементы, например, использование эпиграфов и отсылки к медиатексту: например, телевизионным программам. Обращение к литературным произведениям представлено в виде атрибутированных и точечных цитат.

В тексте прослеживаются автоинтертекстуальные связи, поскольку написанию романа предшествовала публикация рассказа «Inscare» со схожими проблемами и героями.

В тексте романа представлено большое число варваризмов из языка тви, однако интертекстуальными элементами из них являются лишь два: одно устойчивое словосочетание и цитата из траурной песни, сопровождающаяся переводом на английский язык. Варваризмы выполняют преимущественно экспрессивную функцию, выражая чувства персонажей.

Наибольшее число интертекстуальных вкраплений относятся к библейскому прецедентному тексту. Цитаты из Библии, как правило, не атрибутированы и свободно встраиваются в речь рассказчика и

персонажей. Некоторые цитаты указываются со ссылкой на конкретные библейские стихи. Интересен также тот факт, что элементы библейского претекста часто подвергаются разного рода структурным трансформациям.

Дневниковый дискурс представляется аллюзией на роман Элис Уокер «The Color Purple», так как дневниковые записи адресуются богу – так же, как и в эпистолярном романе афроамериканской писательницы.

В романе встречается архитекстуальность в виде вкраплений научного дискурса: такие элементы выполняют сюжетообразующую функцию, так как главная героиня занимается научной деятельностью, основой для описания которой выступает исследование, опубликованное в научном журнале в 2017 году. В тексте романа также излагается содержание ряда исследований, а также приводятся прямые цитаты из научных работ.

Сведения об авторе: Творилова Яна Владимировна — студент ЯГПУ им. К.Д. Ушинского; e-mail: vip.tvorilova@mail.ru

Н. С. Фролова

(Москва, ИМЛИ РАН)

**ЭВОЛЮЦИЯ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО ДИСКУРСА В
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ КЕНИИ: ОТ
АНТИКОЛОНИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА К КРИТИКЕ
ВНУТРЕННИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ**

Вплоть до 1960-х годов кенийская поэзия существовала в рамках строгих традиций суахилийской словесности, воплощенных в формате основных старосуахилийских жанров, тенди и машаири. Колониальное владычество привнесло английский язык как инструмент культурной ассимиляции, частично оставляя на втором плане формы самовыражения на национальных языках. Уже к 1960-м годам началось формирование новой поэтической идентичности. Молодые авторы обратились к темам борьбы за независимость, критике насилия и героизации сопротивления. Литературные журналы «Зука», «Нексус» и университетский «Мвангаза», а также антологии вроде «Поэзии Восточной Африки» (1971) стали платформой для голосов многих позднее известных восточноафриканских поэтов: кенийского Джареда Ангиры, угандийского Табана ло Лионга и других. Поэзия этого периода отличалась тематическим разнообразием: от обличения социальных язв — коррупции, неравенства, лицемерия власти в стихах Джоя Хигиро и Макуми Мвагиру — до философской рефлексии о человеческой природе и урбанизации, где город представал одновременно монстром и символом прогресса.

Начиная с середины 1970-х годов фокус авторов все больше начинает смещаться в сторону саморефлексии. Поэтессы Марджори Макгой и Мисере Муго заговорили о двойном угнетении женщин — патриархатом и колониальным наследием. В стихах Муго, таких как «Быть феминисткой — значит...» или «Мужняя жена», звучал призыв к переосмыслению роли

женщины, а её аллегории вроде «Картин жестокой истории» (1995) разоблачали эксплуатацию Африки. Разочарование в таких итогах независимости, как катастрофическая бедность населения, этнические конфликты и т.д., стало лейтмотивом творчества Мвагиру (1980) и Ангиры (1970-е), который в стихотворении «Раздевание» метафорически описал утрату африканской идентичности. Поэты обратились к концепции «негритюда», воспевая аутентичность через мифы и фольклор, как в «Рождении» Муго, где Африка рождалась «под шкурами леопарда». Формально 90-е стали временем экспериментов: ритм заменил рифму, заимствуя интонации устной традиции и блюза, а гибридность языков и аллюзии на мифологию стали символами культурного синтеза.

К концу XX века поэзия Кении вступила в эпоху глобализации. Темы миграции, ностальгии и мультикультурализма, как в «Песнях о свободе» Макгой (2000), дополнились критикой неоколониализма. Очиенга Орвенджо в «Миротворцах» обличал лицемерие Запада, а экологический дискурс, например в «Мворото» Макгой, связывал разрушение природы с урбанизацией. Поэзия стала мостом для примирения: Бернард Оскар Очанда в «Заре» рассказывал историю любви хуту и тутси, превратив межэтнический конфликт в метафору надежды. Формально некоторые авторы даже стали обращаться к рифме (Таита Товит), но сохранили связь с авангардом, экспериментируя с цифровыми медиа и перформансом.

Эволюция англоязычной поэзии Кении — это путь от антиколониального протеста к критике внутренних противоречий, от локального к глобальному. Поэт из «голоса нации» превратился в «критического наблюдателя», артикулирующего универсальные ценности: свободу, справедливость, экологию. Из «повестки» практически ушла тема колонизации, молодых поэтов не волнует прошлое в таких масштабах, как это было характерно для их предшественников. Новое поколение ищет корни проблем в современном мироустройстве как таковом, язвах,

характеризующих любое общество: социальная глухота, насилие, жестокость, жажда наживы.

Сведения об авторе: Фролова Наталья Сергеевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела литератур стран Азии и Африки ИМЛИ РАН; e-mail: samaki@mail.ru

Н.Е. Хохолькова

(Ярославль, ЯрГУ; Москва, ИАФР РАН)

ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ НИГЕРИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ФЕНОМЕН ТРАНСКУЛЬТУРАЦИИ

(Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №
25-28-00439, <https://rscf.ru/project/25-28-00439/>)

Нигерийская литературная традиция, динамично развивающаяся на протяжении последних 60 лет, широко известна во всем мире. Превращение Нигерии в подлинную «страну историй» заслуга целой плеяды талантливых и самобытных авторов. Ее олицетворением зачастую выступает «большая тройка» писателей, включающая в себя Чинуа Ачебе (1930-2013), Воле Шойинку (р. в 1934 г.) и Чимаманду Нгози Адичи (р. в 1977 г.), представляющих два наиболее прославившихся поколения нигерийской литературы.

Выделение поколений внутри нигерийской литературной традиции носит условный характер. Оно мотивировано стремлением исследователей осмыслить и структурировать коллективный опыт писателей. В зависимости от критериев классификации, зачастую выводимых из формулы «социокультурный контекст жизни автора * (умножить) на «интересы эпохи» = (равно) тематика произведений», как правило, принято выделять три или четыре поколения.

К первому поколению, ориентированному на борьбу с колониальными установками, наряду с Ч. Ачебе и В. Шойинкой обычно относят Габриэля Окару (1921-2019) Киприана Эквензи (1921-2007), Флору Нвапу (1931-1993). Второе поколение, объединенное идеей репрезентации ключевых проблем независимой Нигерии, в числе которых преступность, насилие и коррупция, включило в себя таких литераторов,

как Кен Саро-Вива (1941-1995), Бучи Эмечета (1944-2017), Коле Омотосо (1943-2023) Нийи Осундаре (род. в 1947 г.). Третье поколение, увлеченное поиском культурной идентичности в изменчивом мире и адекватного паттерна исторической памяти о сложном прошлом, представлено помимо ранее упомянутой Ч.Н. Адичи именами Теджу Коула (р. в 1975 г.), Адаоби Триши Нваубани (р. в 1976 г.), Чигози Обиомы (р. в 1986 г.). Последнего нередко причисляют к четвертому поколению, находящемуся на стадии формирования и пока лишь едва обозначившему свои черты.

Третье поколение нигерийских писателей представляет особый интерес, поскольку их персональный и творческий опыт напрямую связан с феноменом транскультурации, предполагающим прохождение одной культуры «сквозь другую», в результате которого происходит их взаимная трансформация.

Сведения об авторе: Хохолькова Надежда Евгеньевна — кандидат исторических наук, доцент Кафедры всеобщей истории ЯрГУ им. П.Г. Демидова, старший научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии Института Африки РАН; e-mail: khokholkova@gmail. com

ЛИТЕРАТУРЫ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Е.О. Акимушкина

(Москва, ИСАА МГУ)

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ УРДУЯЗЫЧНОГО РОМАНА ИНИЦИАЦИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI В. (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА УМЕРЫ АХМАД)

Умера Ахмад (р. 1976 г.), одна из самых популярных писательниц Пакистана указанного периода, является автором целого ряда произведений, которые, с точки зрения жанровой принадлежности, можно отнести к жанровой разновидности романа воспитания – роману инициации.

Роман инициации на языке урду, равно как и творчество Умеры Ахмад, до настоящего времени не становился предметом исследования отечественных специалистов по литературе Пакистана. Считается, что на формирование такой жанровой разновидности романа в литературе урду второй половины XX – первой четверти XXI вв. в значительной степени повлиял именно англоязычный роман инициации (английский и американский). В свою очередь, изучение взаимосвязей урду- и англоязычного романа инициации призвано прояснить роль пакистанской прозаической литературы на английском языке в развитии романа на урду.

В нашем сообщении предпринимается попытка проследить, как представлены и какие трансформации претерпевают в произведениях Умеры Ахмад жанрообразующие признаки романа инициации, выделенные на основании исследования генезиса и эволюции этой жанровой разновидности романа воспитания в английской и американской литературах. Иными словами, в наши задачи входит выявление жанровых особенностей пакистанского романа инициации на языке урду.

Основные выводы нами сделаны на основании анализа дилогии Умеры Ахмад «Истинный наставник» (*Pīr-i kāmīl*, 2004) и «Живая вода» (*Āb-i hayāt*, 2014), романов «Жизнь – цветник» (*Zindagī gulzār hai*, 1998), «Лиана» (*Amarbail*, 2003), «Алиф» (*Alif*, 2019).

Сведения об авторе: Акимушкина Екатерина Олеговна — доктор филологических наук, доцент, заведующий Кафедрой индийской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: eakimushkina@mail.ru

А.Н. Ардашникова
(Москва, ИСАА МГУ)

ТРАДИЦИОННЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ НА ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

Выход в 1969 г. романа Симин Данешвар (1921-2012) «Сувашун» ознаменовал рождение в Иране социальной женской прозы, происходившее на фоне существования весьма немногочисленных произведений, написанных иранками в 1960-1970-е гг., построенных на тиражируемых кинематографом формулах и клише любовных сюжетов и не выходящих за рамки массовой литературы. Заглавие романа означает обряд поминовения героя доисламского эпоса Сийавуша, павшего от рук врагов, и является метафорой жизни и неизбежной смерти Йусуфа, мужа главной героини. В описании обряда отчетливо прослеживается контаминация образов Сийавуша и имама Хусейна, ставшего для шиитов идеалом самопожертвования во имя веры. Имя героя не может не вызывать ассоциации с кораническим пророком Йусуфом. С. Данешвар последовательно выстраивает параллель образов Йусуф – Сийавуш – Хусейн на основе идеи самоотверженного служения и готовности принести себя в жертву. Значимым для писательницы является и неоднократно встречающийся в романе символический образ дерева (древо свободы; деревья в саду, политые водой, которой омывали окровавленное тело Йусуфа; дерево скорби, украшенное косами вдов).

Символический образ дерева в различных вариациях – излюбленный у Шахрнуш Парсипур (род. 1949), создающей двоемирие в парадигме магического реализма, что кардинально отличается от реалистической творческой манеры С. Данешвар. Имя героини романа «Туба и сущность ночи» (1989) отсылает к названию растущего в раю дерева, из плодов которого появляются одеяния для праведников. Давая героине, которая

стремится к просветлению, но вынуждена исполнять традиционную гендерную роль, имя, вызывающее ассоциации с мусульманской эсхатологией, Парсипур расширяет сюжетный уровень романа за счет философско-символического дискурса, подсказывая, что описываемые события прочитываются и в реальном, и в экзистенциальном плане. В конце романа Туба, совершая посмертное путешествие в недра земли, как бы возвращается в органический мир, обретая утраченную целостность женского и природного.

Символический образ женщины-дерева станет одним из основных и в романе Ш. Парсипур «Женщины без мужчин» (1990): незамужняя женщина из богатой семьи, устав от бремени охраны своего девства, становится деревом, семена которого разлетаются по миру, что является реминисценцией домусульманской иранской мифологемы Древа всех семян. Соединившись с природой, она обретает желаемое – свободу передвижения и своеобразное замещение материнства через рассеивание.

Традиционные символические образы применяются писательницами для эмоционального усиления актуальной социальной проблематики.

Сведения об авторе: Ардашникова Анна Наумовна — кандидат филологических наук, доцент Кафедры иранской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: anardash@mail.ru

Е.В. Гимон

(Москва, НИУ ВШЭ)

РОЛЬ ЭПИГРАФОВ В РОМАНЕ «ФАЙЛ-42» МАРОККАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ АБДЕЛЬ МАДЖИДА СЕББАТЫ

Роман «Файл-42» (шорт-лист премии ИРАФ, 2021) представляется интересным для филологического исследования и в содержательном, и в композиционном плане. В романе развиваются две параллельные сюжетные линии, объединенные темой отравления и ответственности власти перед гражданами: одна из них касается малоизвестного эпизода из истории Марокко 50-х гг. – отравления людей в Мекнесе техническими маслами, выдаваемыми за пищевые, вторая – история марокканского студента в России, который становится свидетелем захвата заложников в центре на Дубровке и отравления зрителей неизвестным газом. Произведение является одним из немногочисленных произведений арабской литературы о современной России XXI века.

Роман имеет ярковыраженную интертекстуальность. Каждая из 41 глав озаглавлена литературным произведением, к каждой из них подобран эпиграф. Название главы и эпиграф рассматриваются в плотной связке, которая образует единый семантический, стилистический и ассоциативный комплекс. Цитируемые произведения (преимущественно произведения западных писателей XXI века) связаны единой темой преступления или смерти, коррелирующей с основной тематикой романа.

Эпиграфы к роману прежде всего выполняют диалогическую функцию, являясь особым видом метатекста: они отсылают к литературным и историческим источникам, показывая, как текст входит в диалог с более широкой культурной традицией. Также они задают эмоциональный фон текста или выполняют роль своеобразного тезиса, предвещая вопросы и конфликты, которые будут раскрыты в тексте.

*Сведения об авторе: Гимон Елена Викторовна — старший преподаватель
Школы востоковедения НИУ ВШЭ; e-mail: gimon@mail.ru*

А.Б. Куделин

(Москва, ИМЛИ РАН)

СТАНОВЛЕНИЕ ЖАНРА РОМАНА В НОВОЙ АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Доклад посвящен особенностям становления жанра романа в новой арабской литературе XIX – начала XX вв. Анализируется сложное взаимодействие элементов европейской романной традиции и трансформированных в новой арабской литературе традиций классической арабской прозы. Рассматриваются ключевые произведения ранних арабских романистов — Рифа‘а ат-Тахтави, аш-Шидйака и ал-Мувайлихи, в которых взаимодействуют элементы традиционной арабской прозы (например, «макамы») и новые европейские формы. Академики И.Ю. Крачковский и А.Е. Крымский, изучавшие ранние арабские романы XIX – начала XX в., в свое время заложили солидные основы для изучения этого жанра. Их выводы и наблюдения, позднее дополненные и уточненные вследствие открытия новых материалов и совершенствования методики литературоведческих исследований, по-прежнему открывают благоприятные возможности для углубленного рассмотрения историко- и теоретико-литературных проблем становления жанра романа в новой и новейшей арабской литературе.

Сведения об авторе: Куделин Александр Борисович — академик РАН, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель ИМЛИ РАН; e-mail: abkudelin@yandex.ru

А.А. Кузнецов

(Москва, ИСАА МГУ)

ФУНКЦИОНАЛ ТВОРЧЕСКОГО ПСЕВДОНИМА В ИРАНСКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Исследование направлено на разработку теоретико-литературной проблемы функционирования рамочного художественного текста, одним из компонентов которого является имя автора или псевдоним. Особый интерес представляет анализ семантики псевдонима в эпоху индивидуально-творческого типа художественного сознания. Многие иранские поэты второй половины XX века, как представители «новой поэзии» (*še'r-e now*) в Иране, так и «классицисты», выбирали для себя творческие псевдонимы. Среди них – Шахрияр (1906-1988, букв. «Повелитель»), Нима Юшидж (1897-1960, букв. «стрелок из Юша»), Голчин Гиляни (1910-1972, букв. «Гилякский садовник»), А. Бамдад (1925-2000, букв. «Рассвет»), М. Омид (1929-1990, букв. «Надежда»), Сайе (1928-2022, букв. «Тень») и др. Генетически псевдоним восходит к традиции *нисбы* (номинация по месту происхождения) и *тахаллуса* (прозвище, используемая как авторская «подпись»). Функциональность псевдонима сводится к отражению личностного кредо автора. Также псевдоним может быть обыгран в тексте произведений (в *газелях* и стихотворениях «свободного» *'аруза*).

Сведения об авторе: Кузнецов Алексей Анатольевич — аспирант, старший преподаватель Кафедры иранской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: kuznecovaa@ty.msu.ru

Э. Мавриди

(Москва, ИСАА МГУ)

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ РОМАН И ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ В ПЕРСИДСКИХ ЛЮБОВНЫХ ПОЭМАХ XI ВЕКА

В процессе становления персидского любовно-романтического эпоса XI века наблюдается активное заимствование структурных и мотивных элементов эллинистического романа. Такие произведения, как романы Харитона («Повесть о Херее и Каллирои») и Гелиодора («Эфиопика»), будучи ключевыми образцами жанра, оказывали прямое и косвенное влияние на формирование поэтики ранних персидских поэм: «Вамик и ‘Азра» ‘Унсури, «Варка и Гульшах» ‘Аййуки и «Вис и Рамин» Гургани.

В греческой прозе любовь предстает как путь страдания, потерь и обретений, в котором присутствуют похищения, мнимая смерть, дальние странствия, узнавания. Сходный набор мотивов и сюжетных ситуаций появляется в персидских поэмах, но в новых эстетических и религиозных условиях. Так, в «Варке и Гульшах» героя и героиню разлучает насильственный брак и социальное давление, в «Вис и Рамин» — институт брака и законы государства и власти, а в «Вамик и ‘Азра» — преследование и изгнание. Несмотря на разные источники сюжетов персидских поэм в них повторяются некоторые типичные для эллинистического романа ситуации. Заимствования и в функциях персонажей второго плана (родители и родственники влюбленных, служанки, кормилицы, друзья).

Письма (а также монологи и диалоги главных и второстепенных персонажей), как и в «Херее и Каллирое», играют важную роль в развитии интриги, являясь не только средством связи между влюбленными, но и отражением внутреннего мира героев. Параллели прослеживаются и в мотиве анагноризма — узнавания по знаку или предмету. Таким образом,

эллинистический роман стал важной структурной моделью для персидской любовно-романической поэмы, его элементы были творчески переработаны в системе новых культурных координат, где любовь осмысливается как испытание души, путь к нравственной зрелости и духовному прозрению.

Сведения об авторе: Мавриди Элисавет — магистрант Кафедры иранской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: mavridi.elisavet.w@gmail.com

Я.Р. Миленин

(Ташкент, Узбекистан)

УЗБЕКСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ КАК ЗЕРКАЛО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИЙ, ЛИТЕРАТУР И КУЛЬТУР ВОСТОКА И ЗАПАДА

Узбекистан — перекрёсток цивилизаций, где веками сосуществовали многие религии. Кинематограф страны отражает это многообразие, демонстрируя синтез восточных и западных культурных традиций.

Фильмы о выдающихся исторических фигурах отображают влияние как восточных, так и западных культур, так же как экранизации народных легенд показывают взаимодействие этнографических традиций Азии и Европы. Современные узбекские фильмы безусловно отражают влияние глобализации, однако успешно сохраняют при этом национальные традиции.

Таким образом, узбекский кинематограф служит мостом между Востоком и Западом, отражая сложные процессы взаимодействия религий, литератур и культур. Современные фильмы Узбекистана не только сохраняют национальную идентичность, но и способствуют диалогу между различными культурами.

Сведения об авторе: Миленин Ян Рудольфович — преподаватель Филиала ВГИК им. С.А. Герасимова в г. Ташкенте; e-mail: yanmst9@gmail.com

М. В. Николаева
(Москва, ИВ РАН)

ПОЭТ, ЖУРНАЛИСТ, ФИЛОСОФ. ХУСЕЙН НАСРУЛЛА И РОССИЯ.

Незаурядная личность журналиста, литератора, поэта, философа и общественного деятеля Хусейна Насрулла (1957-2012) может дать ответ на фундаментальные вопросы о судьбах и взаимодействии русской и арабской культур. Корреспондент крупнейших арабских газет, автор радио- и телепрограмм по проблемам мировой политики и культуры, передачи «Творцы без границ» радиостанции «Голос России», член Союза ливанских редакторов и писателей, он написал множество произведений прозы, поэзии, философских сочинений («Кризис религиозного и светского сознания», Бейрут, Дар аль-Фараби, 2010 г.) С 2009 г. – главный редактор русско-арабского журнала «Аль-Мутауассет» (Средиземноморье), связующего моста между арабской и русской цивилизациями XXI в. Его политический дискурс отличает стремление проникнуть в суть острейших проблем современности с её чудовищными античеловеческими катаклизмами, а глубинная поэтичность мировоззрения, мучительный поиск своего места в противоречивом мире реальности раскрыта в сборниках стихотворений «Наполнись светом ночи как светильник» 1984, «Ложе души», 1989, «Раковины на суше» 1992.

Сведения об авторе: Николаева Мария Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела литератур народов Азии Института востоковедения РАН; e-mail: losmarinik@mail.ru

А. С. Олейник

(Москва, ИСАА МГУ)

ХУШАНГ ЭБТЕХАДЖ (САЙЕ) (1928–2022) И ХАФИЗ ШИРАЗИ (XIV в.): ДИАЛОГ ЧЕРЕЗ ВЕКА

Хушанг Эбтехадж (псевдоним – Сайе) вошёл в историю персидской литературы как мастер современной газели (*газал-е мо ‘асер*). Слагая стихи в этой традиционной форме, Хушанг Эбтехадж, автор, творивший в эпоху индивидуально-творческого художественного сознания, неизбежно демонстрирует преемственность по отношению к персидской классической поэзии в её признанных образцах при выборе мотивов, образного ряда, поэтических фигур, в работе с поэтическим синтаксисом газели. Сайе не только сочинил множество газелей, но и долгие годы занимался изучением творчества корифея классической персидской газели Хафиза Ширази. В докладе на примере нескольких специально отобранных газелей Сайе, сопоставляемых с газелями Хафиза, выявляется характер влияния классика на творчество поэта современной эпохи. Задача сопоставления – проанализировать возможные «ответы» Сайе на газели Хафиза, что позволит сделать первый шаг в осмыслении особенностей бытования традиционной формы лирики в современной литературе Ирана.

Сведения об авторе: Олейник Анна Сергеевна — магистрант Кафедры иранской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: annaoleynik062002@gmail.com

К.Т. Осипова

(Москва, ИСАА МГУ)

ПУТЬ ГЕРОИНИ: КЛАССИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В СОВРЕМЕННЫХ АРАБСКИХ РОМАНАХ

Современные арабские писатели часто обращаются к сюжетным схемам из народных сказаний и религиозных преданий как к ёмким функциональным моделям, предоставляющим широкие возможности для толкования. Цели активного использования традиционных повествовательных схем варьируются от эстетической отсылки к литературному наследию до намеренного переосмысления известного сюжета или выразительного высказывания на актуальную социальную тему. Особенно это наглядно в произведениях, где в центр выводится женский персонаж, который раньше играл бы малозначительную роль. На материале трех романов, вошедших в длинный список Международной премии в области арабской художественной литературы в 2024 г., «Обратная сторона тени» ливанского писателя Рашида ад-Да'ифа, «Перстень Сулаймы» сирийской писательницы Римы Бали и «Путь специй» эмиратской писательницы Салихи 'Абид мы рассмотрим, как и с какой целью авторы разрабатывают сюжетные схемы путешествия героини.

Сведения об авторе: Осипова Кристина Тиграновна — кандидат филологических наук, доцент Кафедры арабский филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: urjuwan@gmail.com

М.Л. Рейснер

(Москва, ИСАА МГУ)

РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНЦЕПТЫ И ТЕРМИНЫ В ПЕРСИДСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ И ПОЭТИКЕ (X–XV ВВ.)

Классическая литература Ирана, сложившаяся после арабского завоевания и распространения ислама, это результат синтеза культурных слоев древней цивилизации (зороастрийская картина мира) и новой религии. Ориентация на традиции предшествующих эпох в период становления ирано-мусульманской культуры (возвращение к персидскому как государственному языку, сохранение старых календарных праздников в бытовом укладе и официальном этикете) отразилась и в литературной практике. Влияние зороастрийской дидактики ощущается в поэзии, формировавшейся с XI в. в рамках религиозных течений ислама (исмаилизма и суфизма). Триада «благая мысль – благое слово – благое дело» в трансформированном виде продолжает функционировать в новых условиях, не утратив своей назидательной функции и этического значения.

Вошедшие в мировоззрение иранцев-мусульман концепты и термины, связанные и исповеданием новой веры, адаптируются к условиям сохранения наиболее устойчивых этнокультурных компонентов доисламской картины мира. Наиболее ярко эти процессы проявились в интерпретации термина *таухид* («исповедание единобожия») в поэтических текстах. Уже на раннем этапе развития литературы этот термин стал и обозначением одной из тематических разновидностей поэзии, а позже вошел в систему категорий нормативной поэтики (XV в.).

Важнейшим фактором формирования иносказательного языка в персидской религиозно-мистической поэзии (*истилахат аш-шу‘ара*, «терминология поэтов») послужила опора на метод аллегорического

толкования Корана, обозначаемый термином *та'вил* (букв. «возвращение к истоку»). Поэтологическое обоснование использования этой стратегии для построения аллегорий разных типов дал в своем стихотворчестве религиозный философ исмаилитского толка и поэт-дидактик Насир-и Хусрав (1004-1088). Его творческий опыт был усвоен и развит в традиции суфийской поэзии на персидском языке, и к XIII в. аллегорический язык стал неотъемлемой частью поэтического канона.

Сведения об авторе: Рейснер Марина Львовна — доктор филологических наук, профессор, профессор Кафедры иранской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: mlreysner@mail.ru

М.М. Репенкова
(Москва, ИСАА МГУ)

РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ПОСТМОДЕРНИЗМ В РОМАНЕ ЭЛИФ ШАФАК «МОЙ МАСТЕР И Я» (2013)

Турецкий постмодернизм заявил о себе в 1980-х гг., а в 2000-х гг. стал мейнстримом литературного процесса страны (О. Памук, М. Мунган, И.О. Анар, Н. Эрай и др.). Творчество современной романистки Э. Шафак (род. 1971) отличается причудливым переплетением реалистической традиции с постмодернистскими элементами. Примером тому является один из известнейших ее романов «Мой мастер и я» (в английском варианте «Ученик архитектора»), в котором «прорастание» постмодернистской парадигмы в реалистическую ткань проявляется на сюжетно-композиционном и образном уровнях. В романе четкие временные рамки повествования сочетаются с неопределенностью и даже «остановкой» времени в некоторых эпизодах, когда прошлое, настоящее и будущее даются одновременно, а психологизм характеров героев перекрывается их постоянными постмодернистскими играми в «другого». Последнее особенно заметно на примере образов главных героев – мастера Синана и его четверых учеников.

В то же время герои остаются живыми образами, реалистические характеры которых находятся в постоянном развитии, а не текстовыми постмодернистскими симулякрами. В романе вообще отсутствует текстуализация пространства (цитация, интертекстуальность), сопровождающая постмодернизм. Это подтверждается описаниями фона, на котором развивается главное действие, а именно описаниями города Стамбула, сравниваемого с другими городами мира (Рим, Агра) и живущего человеческой жизнью. Поэтому подобные описания часто изобилуют олицетворениями (город смеется, рыдает, страдает и т.п.).

Необычная стилистическая манера Э. Шафак неоднократно отмечалась турецкими (Й. Эджевит) и отечественными (Л. Софронова) исследователями. Писательница создает свой особый художественный стиль, в котором постмодернистские элементы дополняют реалистическую направленность романа и помогают образам раскрыться глубже и ярче.

Сведения об авторе: Репенкова Мария Михайловна — доктор филологических наук, доцент, заведующий Кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: mmrepenkova@rambler.ru

А.И. Салихова
(Москва, ИСАА МГУ)

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ В ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ПРИТЧАХ

МАЛЕК ОШ-ШОАРА БАХАРА (1886 - 1951)

Малек ош-Шоара Бахар (1886-1951) – выдающийся иранский просветитель, филолог и поэт, яркий представитель интеллектуальной элиты первой половины XX века. Несмотря на известность его научных трудов и значимость общественной деятельности, литературное наследие Бахара до сих пор остается изученным недостаточно. Особый интерес представляет уникальная особенность его ранней поэзии – использование античных сюжетов и образов в дидактических притчах. Анализ двух притч («Один ребенок вытащил сову из гнезда...» и «Алчный шах») позволяет проследить, как античные параллели служили для автора инструментом критики современной иранской действительности и средством пропаганды конституционных идей в период Иранской революции 1905–1911 гг.

Соединяя традиции персидской поэзии со сведениями об истории Древней Греции и Рима, Бахар наполнял исторические заимствования аллегорическим смыслом, создававшим подтекст, актуальный для иранского общества того времени. Синтез культур позволил поэту говорить на языке, понятном современникам, и придать истории других народов поучительность, оставаясь в рамках поэтической классики.

Обращение Бахара к античному наследию – это не просто стилистический приём, а продуманная просветительская стратегия. Через переосмысление известных событий античной древности, превращенных в басенные сюжеты, поэт говорил о насущных проблемах Ирана, а аллегорическая форма стихов позволяла облегчить читателю восприятие нового. Поэтическое творчество Бахара остаётся ярким примером того, в каких формах литература может участвовать в просвещении и социальных

преобразованиях, не теряя художественной ценности и сохраняя связь с литературной почвой и национальной традицией.

Сведения об авторе: Салихова Алия Ильсуровна — магистрант Кафедры иранской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: salikhovaalia18012002@gmail.com

М. Н. Суворов
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ОБРАЗ ИСЛАМИЗМА В ЙЕМЕНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

В ходе пяти последних десятилетий в социально-политической и культурной жизни арабского мира все более и более заметной становилась роль идеологии исламского фундаментализма. К началу же XXI века деятельность исламистов во многих арабских странах сумела оказать столь большое влияние на изменение картины повседневной жизни населения, что не могла не стать отдельной темой в произведениях национальной художественной литературы. Писатели, являющиеся, как правило, приверженцами либеральных ценностей, ориентированными на культуру Запада, представляли исламизм в своих произведениях в исключительно негативном свете. Открытую неприязнь к исламистам продемонстрировали и йеменские прозаики, такие как Ваджди ал-Ахдадь, Хинд Хейсам, Мухаммад ал-Гарби Амран, Надия ал-Каукабани и Хабиб Сарури, изображая исламистов как умственно ущербных фанатиков. А в романах «Женщина» (2012) Али ал-Мукри и «Дочь Суслова (2014) Хабиба Сарури исламистам приписываются даже такие пороки, которые совершенно не соответствуют существующим представлениям о внутренней сущности «борца за чистоту веры», что выглядит уже как «литературная месть» писателей своим идеологическим противникам.

Сведения об авторе: Суворов Михаил Николаевич — доктор филологических наук, доцент, профессор Кафедры арабской филологии СПбГУ; e-mail: soumike@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА ЯПОНИИ

А.С. Борисова

(Москва, ИСАА МГУ)

Буддийская интерпретация дадаизма в Японии 1920–1930-х гг.

Дадаизм как художественное направление зародился в Европе во время Первой мировой войны и призывал к переосмыслению искусства и возвращению к детскому непосредственному взгляду на мир. В Японию он впервые попал в 1920 г., и в первой посвященной дадаизму статье критик Вакацуки Сиран дал буддийскую интерпретацию понятию «дада», сопоставив его с идеей «му» (отрицания существования и несуществования).

Наиболее яркий из японских поэтов-дадаистов Такахаси Синкити (1901–1987), всю жизнь следовавший буддийской традиции, в литературном манифесте «Убеждения – дадаист» дал более развернутое буддийское толкование теории дада и даже создал полупародийные жития восьми вымышленных «патриархов дада» в духе дзэн. Цудзи Дзюн (1884–1944) проводил параллели между дадаизмом и поэтикой хайкай, заодно сопоставляя идеи буддийской и античной философии. Хагивара Кёдзиро (1899–1938), на чье творчество повлиял не только дадаизм, но и футуризм, сочетал буддийские иносказания, включая дзэнские мотивы, и социальную критику.

Сведения об авторе: Борисова Анастасия Сергеевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель Кафедры японского языка ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: alainnthebard@gmail.com

А.Ю. Борькина

(Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)

МЕТАМОРФОЗЫ СЕМЕЙНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ЯПОНСКОЙ ПРОЗЕ РУБЕЖА XX–XXI СТОЛЕТИЙ: ТРАДИЦИИ, МАГИЯ И ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Современная Япония находится перед лицом значительных социальных изменений, затрагивающих устройство семьи и характер семейных взаимоотношений. Японская семья, долгое время сохранявшая патриархальный характер, сегодня заменяется новыми формами семейной организации, которые причудливо переплетаются с классическими представлениями о структуре коммуникации родственников. Прежние ценности подвергаются критическому пересмотру, а на первый план начинают выходить такие вопросы, как снижение рождаемости, старение населения, увеличение возраста вступления в брак, незащищенность позиции женщины, отчужденность людей как в семейном кругу, так и в социуме в целом.

Вопросы взаимоотношений в семье традиционно поднимались в произведениях японских писателей на протяжении всего развития литературного процесса в стране. Не утратила своей актуальности семейная проблематика и в современной прозе Японии. Для многих подобных произведений объединяющим мотивом становится использование метода магического реализма. В условиях, когда привычная модель семьи оказывается под угрозой исчезновения, формируется «новая, неиерархическая, неабсолютная, игровая мифология», центральное место в которой занимают сны, галлюцинации, поток сознания, магия, переворачивающие и десакрализирующие традицию.

При этом магический реализм – не единственное средство выражения семейной проблематики в современной японской прозе.

Авторы прибегают к целому спектру методов и приемов, включающих сюрреализм, натуралистический реализм, гротеск, обращение к традиционной истории и литературе, внедрение иностранных языков в японский текст и эксплуатацию темы современных технологий, каждый из которых по-своему подсвечивает трансформацию семейных взаимоотношений.

Сведения об авторе: Борькина Анастасия Юрьевна — старший преподаватель Кафедры японоведения Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ (г. Санкт-Петербург); e-mail: an_borkina@mail.ru

А.А. Дудко
(Киото, Япония)

КОНФУЦИАНСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И СВОБОДА ПАЛОМНИЧЕСТВА: ЖЕНСКИЕ ПУТЕВЫЕ ДНЕВНИКИ ПЕРИОДА ЭДО КАК ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН

Положение женщин в период Эдо (1603-1868) часто описывают как “бесправное” и полное социальных ограничений, опираясь на трактаты конфуцианских мыслителей-мужчин или на указы правительства конца 17-18 веков. Однако, если обратить внимание на произведения, написанные самими женщинами, и проанализировать обстоятельства их написания, становится ясно, что все не так однозначно.

В этом докладе на основе женских путевых дневников будет показано, что мобильность и “свобода” женщин разных сословий в период Эдо сильно преуменьшена. Из женских путевых дневников этого периода, которых на данный момент известно более двухсот, можно узнать, что женщины совершали путешествия как с родственниками и в группах, так и в одиночку, и что причиной путешествия зачастую указывалось паломничество.

Одними из наиболее известных центров паломничества были святилище в Исэ, восемьдесят восемь храмов на острове Сикоку, мавзолеей сёгунов в Никко. При этом можно предположить, что зачастую посещение храмов становилось для авторов лишь предлогом: они совершают путешествия во время любования кленами или цветения сакуры, навещают родственников, продолжают путешествие после окончания самого паломничества. Путешествия могли длиться от недели до нескольких месяцев, и путевые дневники содержат не только названия пройденных мест, но и поэтические вставки, рассказы местных, а также описания

событий, произошедших с авторами. Чрезвычайно интересным представляется дневник, написанный монахиней Кикуся-ни (1753-1826), которая рано овдовела и, приняв монашеский сан, отправилась в путешествие с целью продолжить изучение поэзии, совершив для этого дальнейшее путешествие с юга Хонсю на север.

Сведения об авторе: Дудко Анастасия Андреевна — магистрант Университета Киото, младший научный сотрудник Научно-исследовательского института культурного наследия Нара; e-mail: stacypanther@gmail.com

Е.М. Дьяконова

(Москва, независимый исследователь)

ПОЭТИЧЕСКИЙ ЖАНР РЭНГА («НАНИЗАННЫЕ СТРОКИ») В ЭПОХУ МУРОМАТИ (1336-1568)

Происхождение японского жанра трехстиший (первоначальное название *хокку*, затем *хайкай*, и с конца XIX в. – *хайку*) искусственного характера и представляет собой исключение из правил. Трехстишия *хайку* всего в 17 слогов произошли из японских классических пятистиший *танка*, или *вака* в 31 слог посредством еще одного жанра, а именно «связанных строф» – *рэнга*.

Вака (букв. «японская песня») – это общее понятие, которое включает в себя, главным образом, пятистишия *танка* (букв. «короткую песню») и некоторые другие формы (шестистишие *сэдока* и «длинную песню» *нагаута*), но часто употребляется в узком смысле как синоним *танка*. Поэзия *вака* возникла в древности и широко представлена в первой поэтической антологии японцев «Собрание мириад листьев», (*Манъё:сю*., VIII в.).

Хокку (буквально «начальные строки») – мост, соединяющий поэзию *вака* и поэзию *хайку*, т.е. два наиболее распространенных жанра японской поэзии. Другие поэтические жанры, хотя и существуют, но не могут идти ни в какое сравнение с *танка* и *хайку* по степени распространенности и влияния на жизнь японцев. Первые *хайку* датируются XV в. Первоначальные *хайку*, носившие в то время название *хайкай*, были всегда юмористическими, это были как бы комические куплеты полуфольклорного типа на злобу дня. Позже характер их совершенно изменился.

Впервые жанр *хайкай* (шуточные стихи) упоминается в классической поэтической антологии «Собрание старых и новых песен Японии» (*Кокин*

вака сю, 905 г.) в разделе «Хайкай ута» («Шуточные песни»), однако это еще не был жанр *хайку* в полном смысле слова, а лишь первое приближение к нему. В другой известной антологии «Собрание горы Цукуба» (Цукубасю:, 1356 г.) появились так называемые *хайкай-но рэнга*, т.е. длинные цепочки стихотворений на заданную тему, сочиненные одним или более авторами, в которых особенно ценились первые три строки - *хокку*. Первая антология собственно *хайкай-но рэнга* «Собрание безумных песен Тикуба» (Тикуба кёгинсю:) была составлена в 1499 г. В то время выдающимися поэтами нового жанра почитались Аракида Моритакэ (1473-1549) и Ямадзаки Сокан (1464-1552). Возникновение жанра *хайку* датируется XV-XVI вв.

Начальное трехстишие пятистишия *танка*, носившее название *хокку*, получило самостоятельное значение и начало развиваться как отдельный жанр.

Хокку – это первые три строки длинной цепочки стихотворений *рэнга*, своеобразной амебейной формы, создаваемой обычно двумя и более поэтами, поэтическая переключка голосов по три и две строки на заданную тему. *Рэнга* – это по сути дела пятистишие *танка* в 31 слог, разделенные на две части (доцезурную и послецезурную), своеобразный зачин и продолжение, которые повторяются заданное число раз. Сущность стихотворения состоит не столько в самом тексте, сколько в едва уловимой, но все же ощущаемой связи между стихами, которая по-японски называется *kokoro* (букв. душа, сердце, сущность). Связь между первой и второй частью стихотворения, т.е. трехстишием и двухстишием описывалось, например, словом *nioi* («запах», «аромат»).

Рэнга – цепочка трехстиший и двухстиший (17 слогов и 14 слогов), иногда бесконечно длинная до сотни и более строк, построенных по одному метрическому закону, когда просодической единицей является строфа, состоящая из группы в пять и группы в семь слогов (5-7-5 и 7-7) в

строке. Пятистишие делилось на две части: «верхнюю» *ками-но ку* по 5-7-5 слогов в строке и «нижнюю» *симо-но ку* по 7-7 слогов в строке. Эти части соединялись в последовательности трех- и двустий, которые должны были создаваться на заданную тему, семантически им полагалось быть связанными. Существовали и *рэнга* с инверсионным построением строф – сначала двухстишие, затем трехстишие.

Часто *рэнга* сочинялись экспромтом на встречах поэтов, которые могли длиться днями. Все трехстишия и двухстишия (часто написанные разными авторами по принципу переключки) связаны общей темой, но не имеют общего сюжета. Каждое из них, представляющее собой самостоятельное произведение на тему любви, разлуки, одиночества, вписанные в пейзажную картину, может без ущерба для его смысла вычленено из общего контекста стихотворения (примеры такой формы известны в восточной поэзии, например, цепочки панутнов, исполнявшиеся двумя полухориями, в малайской поэзии). Но в то же время каждый стих связан с предыдущим и последующим стихами: это как бы цепь слабовыраженных вопросов и ответов, где в каждом последующем трехстишии или двустийи ценен поворот темы, неожиданная трактовка слова. Жанр *рэнга* возник в XII в. как приятная забава, литературная игра, затем развился в изощренное серьезное искусство со множеством сложных правил.

В конце XII в. в историческом памятнике «Нынешнее зеркало» (*Има кагами*), в котором описано рождение этого жанра, появился термин *кусари рэнга* «стихотворные цепочки». В зависимости от длины такие «цепочки» носили названия: *танрэнга* («короткие *рэнга*»), *касэн* («тридцать шесть строф» по названию «тридцать шесть гениев японской поэзии» - *сандзюроккасэн*), *хякуин* («стострофные») и др. «Цепочки» могли сочиняться несколькими людьми, превращаясь в своеобразный диалог, в котором должно было возникнуть особое художественное единство.

Необходимо было ориентироваться только на предшествующий куплет. В зависимости от того, сколько человек принимали участие в создании «цепочки» они подразделялись на *докугин* («один человек»), *рё:гин* («двое») и *сангин* («трое»). Существовал канон тем (*дай*) для сочинения *рэнга*: луна, цветы, ветер. Между отдельными стихами нужно было поддерживать особого рода непрямую связь. Наиболее ценились *рэнга* школы Микохидари, в которую входил, например, лучший поэт Фудзивара-но Тэйка (1162-1241). *Рэнга* делились также и на «имеющих душу» (*усин рэнга*), т.е. серьезные, и шуточные, «не имеющих души» (*мусин рэнга*).

Первый большой сборник *рэнга* - это составленная Нидзё: Ёсимото и Кю:сэй (возможен вариант этого имени Гу:сэй) (1284?-1378?) антология “Собрание [горы] Цукуба”, (*Цукуба сю:*, 1357). В XV в. стали говорить о “Семи мудрецах *рэнга*”, так назвал их известнейший поэт Соги Синкэй (1406-1475). Одному из мудрецов, принадлежит теоретический трактат о *рэнга* *Сасамэго* (“Шепот”, 1488), в котором он разъяснил смысл основных эстетических категорий. Лучшей в истории жанра японские критики считают антологию *Синсэн Цукуба сю:* (“Вновь составленное собрание [горы] Цукуба”).)

Искусство сложения *рэнга* состоит не только в создании совершенных стоф, но и в искусстве контрапункта и композиции всей цепочки в целом, чтобы тема играла и переливалась всеми красками с соблюдением правил и канонов и вместе с тем оригинально, как ни у кого, нигде не противореча гармонии целого.

Цепочки *рэнга* сочинялись экспромтом на поэтических собраниях, когда два или более поэта выбирали одну из канонических тем и сочиняли по очереди трехстишия и двустишия.

Сведения об авторе: Дьяконова Елена Михайловна — доктор

филологических наук, независимый исследователь; e-mail:
elenadiakonova@rambler.ru

Л.М. Ермакова

(Кобе, Япония)

ЯПОНСКИЙ МОДЕРНИЗМ 1930-Х И ПРОБЛЕМА «ПОВЕСТВОВАНИЯ ОТ 4-ГО ЛИЦА»

Доклад предполагается посвятить Ёкомицу Риити (1898-1947) – яркому представителю японского модернизма, чье творчество до последнего времени было почти неизвестно отечественному читателю, и это несмотря на то, что даже на блистательном фоне современных ему литераторов – таких, как Акутагава Рюноскэ, Ясунари Кавабата, Танидзаки Дзюнъитиро, именно он часто назывался прозаиком номер один, «королем современного романа», некоторые современники даже именовали его «литературным божеством».

Ранние рассказы Риити Ёкомицу чем-то похожи на сценарии, иногда напоминают запись фильма по кадрам. Но они были задуманы и написаны вовсе не для экранизации, это не «стенограмма эмоционального порыва», как называл сценарий С. Эйзенштейн, это — литература, и прием этот у Ёкомицу Риити — тоже чисто литературный, воспроизводящий особый, найденный этим писателем способ литературного преображения действительности.

Сам по себе этот литературный метод в каком-то смысле был веянием эпохи – времени так называемой «сине-поэзии» и «сине-текстов», когда изображение действия в немом кино сопровождалось письменным художественным текстом.

Вместе с Кавабата Ясунари и другими единомышленниками Ёкомицу создал тогда литературную группу Синканкакуха – неосенсуалистов. Они резко противопоставили себя предыдущему поколению литераторов, писавших, в сущности, в традиционном для японской литературы дневниковом жанре, который к началу XX века под влиянием западного

натурализма был преобразен в так называемый «я-роман». Тогда считалось, что натуралистическое изображение внутреннего мира героя-повествователя – это единственная достоверность, доступная восприятию пишущего. Ёкомицу же, по его собственным словам, хотел создавать именно литературу, а не «фальсификацию действительности», как в «я-романе», он отказывался писать «большую ложь, которая выдается за дневник».

В докладе будут кратко изложены разыскания Ёкомицу Риити в области теории литературы, его определение разницы между литературой и кинематографом, и, наконец, речь пойдет о самом знаменитом его литературном изобретении – «повествовании от 4-го лица».

Сведения об авторе: Ермакова Людмила Михайловна — доктор филологических наук, преподаватель Муниципального университета иностранных языков г. Кобе; e-mail: lermakova@gmail.com

Д. Кикнадзе
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

СВИТОК-ЭМАКИ «ТАНАБАТА» (ЭП. МУРОМАТИ) КАК ПРОВОДНИК БУДДИЙСКИХ ИДЕЙ

Среди множества рукописей с описанием легенды о Млечном пути (яп.: Танабата) основной текст содержится в сборнике «Танабата моногатари», серии «Муромати Дзидай Моногатари Тайсэйхати», а также в рукописи «Танабата» в коллекции Института японской литературы университета Киото.

Произведение можно охарактеризовать, как сугубо японскую версию древнекитайской легенды, гибридное в плане его идейного содержания, перенасыщенное буддийской риторикой. Также текст изобилует отсылками к полулегендарной истории древней Японии, фольклорными включениями, синтезом чужеземной и родной культур в рамках одного произведения. Рассматриваемый текст представляет интерес, как средство пропаганды актуальных на тот момент буддийских идей, вошедших в синтез с конфуцианской семейной этикой, так и пример адаптации фольклорных и классических текстов под нужды конкретной эпохи.

Сведения об авторе: Кикнадзе Диана — кандидат исторических наук, доцент Кафедры Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета СПбГУ; e-mail: d.kiknadze@mail.ru

А.Р. Садокова

(Москва, ИСАА МГУ)

СОВРЕМЕННАЯ ЯПОНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: НОВОЕ – ЭТО ПЕРЕОСМЫСЛЕННОЕ СТАРОЕ?

Современная японская литература обращается к большому числу злободневных, и при этом - неожиданных тем. Но в целом больше всего востребована обществом тема человеческих отношений, будь то отношения любящих или давно не любящих друг друга супругов, стариков со своими детьми, человека и бога моря, общества и «маленького» человека. Нравственные проблемы, сложный выбор - характерная черта современной литературы Японии. Сюжет произведений может развиваться как на кухне многоквартирного дома, так и тихом французском городке.

При этом во многих произведениях встречается одна и та же особенность. Это взаимодействие истории и современности. При этом не события происходят на историческом фоне прошлых эпох, а наоборот - идеи прошлого проникают в современный мир, в жизнь современного японца.

Так, в романе известной писательницы Оба Минако «Трава Урасима» героиня – современная женщина, много лет прожившая на Аляске, после встречи со своей японской семьей ассоциирует себя с героем старинного сказания, который оказался предан забвению. А мастер по владению мечом в повести Тобэ Синдзюро «Клыки Дракона» обнаруживает в ученике желание отомстить обидчику семьи древним самурайским способом, но при этом скорее восхищен, чем удивлен.

Старинные сюжеты и персонажи, и даже представления о нравственности, которые, казалось бы, ушли в прошлое вместе с эпохой, оказываются в центре раздумий и переживаний современных людей и находят в сердцах читателей живой отклик.

Сведения об авторе: Садокова Анастасия Рюриковна — доктор филологических наук, профессор Кафедры японской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: sadokova@list.ru

М.Г. Селимов

(Москва, ИМЛИ РАН)

ТЕЛО КАК ТЕКСТ: ПОЭТИКА ТЕАТРАЛЬНОСТИ В «ЗАПИСЯХ ПУСТЫХ БЕСЕД» ТАНИДЗАКИ ДЗЮНЪИТИРО

«Записи пустых бесед» (饒舌録, 1927) японского писателя Танидзаки Дзюнъитиро (谷崎潤一郎, 1886–1965) представляют литературный эксперимент, где театральная телесность становится ключевым поэтическим приемом для осмысления культурной идентичности эпохи модерна. Исследование выявляет, как писатель разрабатывает феноменологический метод описания театрального опыта, превращая тело актера и куклы в семиотическую систему культурных смыслов.

Анализ нарративных стратегий демонстрирует использование писателем темпоральной перспективы (детские впечатления VS зрелые суждения) и синестезии для создания «вербальных мизансцен». Особое внимание уделяется описаниям традиционного театра кукол Бунраку, где деконструкция человеческого тела (три кукловода манипулируют одной куклой) предвосхищает постмодернистские концепции расщепленного субъекта.

Метафорическая система произведения строится на соматических образах: «архитектурная красота» романа описывается через «глубокое дыхание, мощные руки, крепкую поясницу». Театральная телесность функционирует как способ артикуляции проблемы культурного выбора между Востоком и Западом через оппозиции «пассивная/активная эстетика», «тень/свет», «созерцательность/экспрессия».

Жанровая гибридность текста (эссеистика + мемуаристика + театральная критика) создает новую форму культурологического исследования, где личный опыт становится материалом для теоретических обобщений. Произведение предвосхищает развитие интеллектуальной прозы и метафикциональных техник, демонстрируя, как через микроанализ театральных феноменов можно выйти к пониманию макропроцессов культурной трансформации.

Сведения об авторе: Селимов Мазай Гаджимагомедович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела литератур стран Азии и Африки ИМЛИ РАН; e-mail: mazay_sv@yahoo.com

Е.Л. Скворцова
(Москва, ИВ РАН)

МИКЕЛЕ МАРРА ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ЯПОНСКОЙ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

– Микеле Марра (1956-2011), итало-американский систематизатор японской эстетической мысли. 1971-1981 гг. он провёл в университете Цукуба, изучая классическую литературу Японии. Марра является выпускником отделения философии Туринского университета, деканом которого был небезызвестный Джанни Ваттимо, автор идеи «слабой мысли» (*pensiero debole*). Идея состоит в том, что сильные концепции не соответствуют истине жизни и потому обречены. К сильным идеям относятся: коммунизм, феминизм, глобализм, либерализм и т.д. Марра проникся идеями Ваттимо, когда был его переводчиком в Японии. Дальнейшая академическая карьера этого учёного продолжилась в Соединенных Штатах. Он получил докторскую степень (1988) в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, изучая буддизм и средневековую японскую литературу под руководством профессора Уильяма Р. Лафлера (1936-2010). Марра преподавал в Токийском университете (1988-1990), а затем в Университете Южной Калифорнии (1990-1993). В этот период он завоевал репутацию ведущего литературного переводчика Японии благодаря двум новаторским книгам: "Эстетика недовольства: политика и затворничество в средневековой японской литературе" (1991) и "Представления о власти: литературная политика средневековой Японии" (1993). В этих работах Марра наметил новый подход к изучению истории японской литературы, проанализировав взаимодействие религиозных доктрин, литературного творчества и политической власти. По его признанию, эти две книги стали его ответом

на "Карму слов" (1983), основополагающее исследование У. Лафлера о религиозном мировоззрении средневековой японской литературы.

– Микеле Марра активно использовал идеи Джанни Ваттимо при исследовании истории японских эстетических понятий древности и средневековья. В связи с чем подверг острой критике тех современных японских эстетиков и литературоведов, которые пытались подвести под россыпь традиционных национальных эстетических понятий некое общее мировоззренческое основание (*Ничто*) или создавали новые общие понятия для определенной группы литературных произведений (напр. *литература затвора Индзя бунгаку*). Рассмотрим трактовки Микеле Марры.

– Фудзивара Тэйка (1162-1241) писал стихи в *югэн*-стиле, используемом в даосизме и буддизме для обозначения труднопостижимой религиозной глубины, содержащей нечто, что трудно понять. В чань (дзэн)-буддизме *югэн* выражал "глубину Небытия" (кит. у, яп. му). Тэйка умело озвучил это Небытиё.

– Современник Тэйка поэт Камо-но Тёмэй (1153-1216), признавая трудности создания стихов в *югэн*-стиле, тем не менее употребил ряд отрицаний для определения *югэна* в XIII веке. Тёмэй, характеризуя этот термин в своей поэтике «*Мумёсё*» (Записки без названия, 1209-1210), указывал на трудности адекватного описания *югэна*. Они заключаются в обертонах (*ёдзё*), которые нельзя выразить словами в атмосфере, не раскрываемой в виде стиха. Тэйка развивал свою композиционную технику на основе стилистической склонности к негативному эффекту, возможностью зафиксировать момент отрицания.

– При выборе приёмов поэты руководствовались скорее эстетическими предпочтениями, нежели, скажем, религиозными. Фудзивара Сюдзэй (1114-1204) в трактате «*Корай футэйсё*» (О современных и древних стилях, 1197) утверждает, что поэзия никогда не подчиняется религиозным

требованиям. “Путь поэзии”, считал он, развивался параллельно и по аналогии с “путём буддизма (*буцудо*)”, но поэты той поры создавали свой собственный поэтический язык, отличающийся от религиозного.

– Лишь в XX веке, не ранее 1920-х годов теоретики поэзии увидели в стихах Тэйка нечто большее, чем он сам намеревался выразить. Это “большее” на самом деле является продуктом создания в Японии эстетической науки, которая началось в конце 1870-х гг. Стихотворения Тэйка подверглись анализу в свете эстетического дискурса.

– Так, Кубота Уцубо (1877-1967) парадоксально трактовал стихи Тэйка, в которых печаль от отсутствия признаков сезонной красоты (цветы весной, кленовые листья осенью) в сочетании с описанием убожества неприглядных камышовых навесов рыбаков, компенсировалась мастерством поэта, сумевшего воспеть привлекательность описываемой ситуации.

– Кубота Дзюн (р. 1933) утверждает, что в поэзии Фудзивары Тэйка нашёл отражение дух *ваби-тя* чайной церемонии. Учёный добавляет *ваби* (элегическую простоту) к *саби*. В частности, для интерпретации в стихотворении Тэйка листьев клёна и сакуры, выступающими символами Бытия (*ю*), привлекаются эстетические понятия *ёдзё* и *саби*, которые выступают символами Небытия (*му*). Такой комментарий Куботы Дзюна восходит к философии Нисиды Китаро и его последователей из Киотской школы.

– Учёные превратили эстетические категории, относящиеся к переменам и *Ничто* в литературный жанр *индзя-но бунгаку* – “литературу затворников”. Этот жанр свёл такие разные виды как *ридацу* (разрыв), *мэ* (видение), *сидзэн* (природность), *сондзай-но канасими* (экзистенциальная печаль) и *индзякэй гэйдзюцу* (искусство затвора) в единую общепринятую практику 600-летней истории японской литературы.

– Большинство японских учёных, включая наиболее значимые академические фигуры XX в., стремились подвести под пёструю россыпь национальной конкретики эстетического характера общую идею, пытаясь систематизировать и логически обосновать последовательность смены эстетических вкусов японского общества на протяжении нескольких веков. При этом они опирались на понятия-концепты, сформировавшиеся в процессе многочисленных художественных практик, а также на классические тексты литераторов и мудрецов. Между тем, Марра был убеждён в неправомерности их попыток подвести под весь обширный фактологический корпус древнего художественного наследия единое мировоззренческое основание – Пустоту или Ничто, заимствованное у Нисиды Китаро, который завершил создание своей теоретической концепции лишь в первой трети XX в. Марра считал теоретически некорректным прибегать к этой концепции при анализе художественных произведений, созданных до XX в. а само это направление – навязанным Европой.

– Литературный критик Кобаяси Хидэо (1902-1983), например, предпринял попытку экзистенциального анализа отношения между непостоянством и искусством в эссе «*Мудзё то юу кото*» (О непостоянстве). Кобаяси объясняет заикленность японцев на непостоянстве результатом их поиска постоянства в жизни, подверженной переменам и неопределённости. Такой поиск нацелен на “подъём над” неустойчивостью *мудзё* в попытке противостоять ей. Согласно Кобаяси, идеал постоянства – победа над смертью – может быть найден внутри самого непостоянства.

– Ниситани Кэйдзи (1900-1990) развивал тему метафизики эстетизма, начиная с анализа китайского иероглифа “небо” (яп. *сора*). Тот же иероглиф обозначает понятие “пустота” (яп. *ку*). Употребление этого иероглифа японскими поэтами сделало “небо” популярной метафорой

пустоты. Пустотность – это не место вне *мудзё*, которое преодолевает *мудзё*; это открытие пути, которое преодолевает *мудзё* из самого *мудзё*. *Ку* – это постоянство посреди непостоянства, это место трансформации *мудзё*. – Критицизм Микеле Марра и его источника понятен. Однако, на наш взгляд, эстетики и литературоведы Японии, живут в совершенно иной эпистеме, чем их коллеги древности и средневековья. Они вправе подвергать рассмотрению и оценивать труды предшественников в соответствии с нынешней эпохой, разумеется, если они это делают корректно, без искажений первоисточников, без фантазий и домыслов. Ведь неслучайно литературная и философская классика заново переосмысливается каждым новым поколением.

Сведения об авторе: Скворцова Елена Львовна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Отдела сравнительного культуроведения Института востоковедения РАН; e-mail: squo0202@mail.ru

В.А. Федянина
(Москва, МГПУ)

БУДДИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЯПОНИИ (XII – НАЧАЛО XIII ВВ.)

В исследовании анализируется взаимосвязь буддизма и поэзии в Японии раннего средневековья; характеризуются изменения в раннесредневековой японской поэтике, основывавшейся на буддийском миропонимании и рассуждающей в терминах буддийского учения. Это привело к пониманию стихотворений на японском языке как *дхарани*, «путь поэзии» стал приравниваться к «пути буддийского учения, сложение и декламация стихотворений на японском языке (преимущественно из 31 слога) начали рассматриваться как путь к просветлению.

В работе на конкретных примерах прослеживается отражение новой поэтической теории в поэтических произведениях выдающихся поэтов своего времени: Сайгё (1118–1190), Фудзивара Сюдзэй (Тосинари) (1114–1204) и Дзизэна (1155–1225), указываются особенности буддийской духовной поэзии и роль японского языка в передаче буддийского учения. Текстологический анализ этих произведений демонстрирует, как светские темы (природы, любовной лирики) переосмыслились для передачи доктринальных положений буддизма.

Сведения об авторе: Федянина Владлена Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий Кафедрой японского языка МГПУ; e-mail: fedyaninava@mgpu.ru

В.В. Хомченкова
(Москва, НИУ ВШЭ)

ПЬЕСА ТЕАТРА КАБУКИ «СЕКРЕТЫ КАЛЛИГРАФИИ ДОМА СУГАВАРА». ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ТРАГЕДИЙНОСТЬ

Пьеса «Сугавара Дэндзю Тэнараи Кагами» (菅原伝授手習鏡, 1746 г.) обычно переводится как «Сказание об упражнении в письме Сугавара», в переводе Дональда Кина: «Секреты каллиграфии дома Сугавара». Исследователь полагает, что в данных заглавиях теряется смысл слова *кагами* (鏡) – зеркало, что отсылает нас к четырем известным повестям в жанре *рэкиси-моногатари* (歴史物語), их также называют *сикё* (四鏡 четыре зеркала): «Великое зеркало» (大鏡, *Оокагами*, ок. 1119 г.), «Нынешнее зеркало» (今鏡, *Имакагами*, 1170 г.), «Водное зеркало» (水鏡, *Мидзукагами*, 1195 г.) и «Ясное зеркало» (増鏡, *Масукагами*, XIV в.). Поскольку в названия некоторых из них входит слово «зеркало» (*кагами*), то подобные сочинения стали называть *кагами-моно* (鏡物), по этой причине кажется важным разобрать значение этого слова в заглавии.

Японовед и переводчик «Оокагами» на русский язык Е.М. Дьяконова пишет, что в даосизме различаются две тенденции осмысления символики зеркала: 1) представление «о зеркале как средстве познания подлинного образа вещей и отличается дидактической направленностью», и 2) зеркало «как сила трансформации тесно соприкасается с магией». Первое значение символизирует Сугавара-но Митидзанэ как учёного и учителя

каллиграфии, который передаёт знания своему ученику Гэндзо, а второе представляет собой его трансформацию из статусного чиновника в изгнанника, его смерть также напрямую связана с магией, по преданию, он превращается в божество грома.

По Аристотелю у трагедии есть три главных составляющих элемента: узнавание (ἀναγνώρισις), перипетия (περίετεια) и патос (πάθος), именно сочетание этих трёх структурных элементов делает трагедию трагедией. Не лишним будет отметить, что пьеса «Сугавара Дэндзю Тэнарай Кагами» через все 11 актов пронизана этими элементами, иногда даже в одном акте встречаются все три.

Трудно сказать, применима ли в данном случае западноевропейская методология, и хотя сюжет данного акта вроде бы ложится в эти методологические рамки, фабула данной пьесы сложнее, чем описано выше. Предполагается, что Мацуо:мару догадывался о том, что его сына Котаро: убьют вместо Кан Сю:сай (сына Митидзанэ), кроме того, во время процедуры «осмотра головы» он ничем не выдаёт свои истинные чувства, чтобы суметь подтвердить подлинность замены. Вместе с тем, несмотря на горе родителей, потерявших своего сына, они тем не менее рады, что их ребёнок погиб благородно, сослужив хорошую службу господину Кан Сё:дзё:. Да и Мацуо:мару в данном случае превращается из отрицательного персонажа в положительного, хотя прежде зрители были убеждены в обратном. По этим причинам исследователь полагает, что фабула в Кабуки устроена несколько сложнее, чем положено в древнегреческой драматургии.

В пьесе мы также видим ряд «чудесных» (θαυμάσιον) по Аристотелю событий: это и чудесное перемещение сливового дерева из Киото на Кю:сю:, и горный священник-ямабуси, спасший жену Кан Сё:дзё:, и его (Сугавара) статуя, разговаривающая голосом Митидзанэ и перемещающаяся волшебным образом, а также магические силы злодея

Фудзивара-но Сихэй, которые он применяет против братьев Умэо:мару и Сакурамару в акте «Курумабики».

*Сведения об авторе: Хомченкова Варвара Валентиновна — преподаватель
Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ; e-mail:
vhomchenkova@hse.ru*

Л. Ю. Хронопуло
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ОБРАЗ РУСАЛКИ В РАССКАЗАХ ЯПОНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX-XXI ВВ.: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЯПОНСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ СЮЖЕТОВ И ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЗАПАДНЫХ АВТОРОВ

В рассказах японских писателей XX-XXI вв., где фигурирует русалка (*нингё*), очевидны аллюзии не только на японские легенды, но и на образ Лорелей, воспетый в лирике К. Брентано и Г. Гейне; у ряда авторов встречаются отсылки к сказке «Русалочка» Г. Х. Андерсена, а также к работам западных постмодернистов. Например, в рассказе Танидзакэ Дзюнъитиро «Плач сирены» (1917) купленная у европейца прекрасная русалка олицетворяет загадочную притягательность западной цивилизации в глазах утратившего интерес к жизни китайского дворянина; она знакомит его со сказаниями о рейнской речной деве, объясняя, что им не суждено быть вместе: Запад и Восток чужды друг другу, хоть и стремятся к сближению.

В рассказах Огава Мимэй «Русалка и красная свеча» (1921) и Огава Ёко «Жизнь русалки-ювелира» (2006) русалки очаровываются миром людей, подобно Русалочке Г. Х. Андерсена, и, будучи преданными, жестоко разочаровываются в нём, – только, в отличие от оригинальной сказки, мстят обидчикам. В хоррор-историях Атода Такаси «Волосы» (1996) и «Русалка» (2008) представлен образ русалки как хищного и злопамятного чудовища из японского городского фольклора, тогда как короткие психологические триллеры Абэ Кобо «История русалки» (1962), Мотидзуки Хироюки «День русалки» (1980) и Тамару Масатомо «Спасение русалки» (2016) с элементами чёрного юмора и сатиры поднимают социальную тему деградации человечества, склонного к самоуничтожению, а также проблемы утраты личности, кризиса

идентичности, безуспешной борьбы с бессознательным. Русалки становятся метафорическим символом, отсылая не только к традиционным образам из японских мифов и легенд, но и к западным постмодернистским произведениям и магическому реализму: например, роману «Галапагосы» К. Воннегута, рассказам «Аксолотль» Х. Кортасара и «Превращение» Ф. Кафки.

Сведения об авторе: Хронопуло Лиала Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент Кафедры японоведения Восточного факультета СПбГУ; e-mail: khronopoulo@mail.ru

ЛИТЕРАТУРЫ ХРИСТИАНСКОГО ВОСТОКА

Т.Л. Александрова

(Москва, ИМЛИ РАН)

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ В 1-М НИСИБИНСКОМ ГИМНЕ ЕФРЕМА СИРИНА

Нисибинские гимны – известный цикл гимнов прп. Ефрема Сирина (ок. 306-373 г.), связанный с конкретными историческими событиями: третьей осадой Нисибиса (родного города Ефрема) войсками персидского царя Шапура II в 350 г. Во время осады были разрушены плотины на реке Мигдоний и город оказался окружен водой. Персы подплыли к стенам на судах, но не смогли войти в город. Эти события обусловили метафорическую образность 1-го Нисибинского гимна, в котором переживаемые события осмысляются сквозь призму библейской истории: затопление города метафорически уподобляется всемирному потопу, а также морю Чермному, которое разделил Моисей, сам же город - Ноеву ковчегу. В то же время с ковчегом сравнивается и душа самого поэта, борющаяся со страстями, в то время как Ной был спасен благодаря своей праведности. Нечистые воды потопа противопоставляются чистым водам крещения, но, устрашая, сподвигают к молитве и тем самым становятся спасительными. Все эти метафоры образуют сложное сплетение, временами невозможно понять, говорит ли поэт от лица ковчег, города или от своего собственного лица. Анализу использованных Ефремом поэтических средств и посвящен доклад.

Сведения об авторе: Александрова Татьяна Львовна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела античной литературы ИМЛИ РАН; e-mail: tatianaalexandrova@yandex.ru

А.С. Балаховская
(Москва, ИМЛИ РАН)

ОБРАЗЫ СВЯТОСТИ В ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ И РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ БИОГРАФИИ

В античной литературе биография стала осознаваться как отдельный жанр в начале имперского периода, свидетельство чему находится, например, в сочинениях Плутарха, который разделяет историческое и биографическое повествования. В III-IV веках биография из светской становится религиозной. На смену одним героям – императорам, знаменитым полководцам, тиранам, представителям различных философских школ, риторам, поэтам, музыкантам приходят другие – религиозные лидеры, духовные учителя и чудотворцы. Этот тип биографии подобает рассматривать в свете исторического развития греко-римской биографии в целом, поскольку, когда поздние биографии оцениваются в свете этой преемственности, непрерывность в форме, содержании и в функционировании, сформировавшаяся внутри традиции, дает возможность понять их лучше.

Особенностью этого типа биографий является идеальный характер героя, представление о котором дается не через описание развития его образов в потоке времени, а через рассказ об их деяниях – физических действиях или вербальных актах (речи, сочинения). Деяния героя описываются путем использования особых литературных единиц – анекдотов, максим, речей и каталогов, то есть списков источников, на которые ссылается автор. Последовательное соединение этих единиц в одно повествование и образует структуру всего сочинения, раскрывая идеальный образ героя. Они дают идеальному образу «плоть и кровь», придавая ему историчность. В качестве примера таких биографий можно назвать жизнеописания Пифагора, созданные Порфирием и Ямвлихом. Эти

и другие языческие религиозные биографии находятся на одной линии преемственности с биографиями христианских святых, в частности, с «Житием Антония Великого». В этом же контексте можно говорить и о ранневизантийских биографиях, например, житиях, созданных Кириллом Скифопольским. Несмотря на то, что по внешним критериям христианские и языческие религиозные биографии являются составной частью единой античной биографической традиции, то по содержательным критериям они отличаются друг от друга. Несмотря на то, что и языческие, и христианские авторы в качестве героя изображают святого, образы святых отличаются друг от друга. Цель нашего сообщения – показать, как изображается святость в языческих и христианских биографиях и есть ли между ними линии пересечения.

Сведения об авторе: Балаховская Александра Сергеевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела античной литературы ИМЛИ РАН; e-mail: abalakhovskaya@gmail.com

А.А. Кириллова

(Москва, независимый исследователь)

ПРЕОДОЛЕНИЕ БЕЗДНЫ: РАЗВИТИЕ ИДЕИ СПАСЕНИЯ В БИБЛЕЙСКОМ ТЕКСТЕ

Текст ТаНаХа (Ветхого Завета) открывается описанием водной бездны: «Земля была пустотой, и тьма была над бездной, и дух Г-да носился над водой» (Быт.1:2). Несмотря на то, что воды бездны становятся, по сути, первоматерией при сотворении мира, в дальнейшем в библейских текстах эта стихия мыслится как таящая в себе погибель сторона бытия. Образ бездны, который в рамках Ветхого Завета кодируется термином *təhōm*, вновь возникает в истории Потопа: «В шестисотый год жизни Ноя, во второй месяц, в семнадцатый день месяца, в этот день разверзлись все источники великой бездны и окна небесные открылись» (Быт.7:11). Рассматриваемый образ не представлен в еще одном ключевом эпизоде – истории Исхода народа Израиля из Египта (Исх.14:16), однако именно бездну упоминает Пророк Исайя, вспоминая Исход и пророчествуя о приходе Мессии – Спасителя (Ис. 63:11-13).

Наконец, нужно упомянуть еще одного пророка – Иону, который в наказание за свою своенравность попадает во чрево большой рыбы и проживает это как столкновение с бездной. На примере последнего становится очевидно, что преодоление ассоциируемой с гибелью водной стихии и достижение спасения возможно только через упование на Г-да и абсолютное следование Его воле. Эта идея – через море к спасению – наследуется и текстом Нового Завета: в 4й главе Евангелия от Марка примечательна история переправы через море, и именно здесь указанная идея достигает своего максимального звучания.

Сведения об авторе: Кириллова Анастасия Александровна — кандидат филологических наук, независимый исследователь; e-mail: kirillova.avangardpkf@gmail.com

С.В. Минов

(Москва, НИУ ВШЭ)

ЗАПАДНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЕ СИРИЙСКИХ ХРИСТИАН: НА ПРИМЕРЕ «ОСВЕЖАЮЩИХ ИСТОРИЙ» ДЬЯКОНА ИЕРЕМИИ

В своем докладе я собираюсь представить новооткрытый памятник смеховой культуры сирийских христиан – собрание анекдотов и поучительных историй на классическом сирийском языке, составленное дьяконом сиро-халдейской церкви Иеремией Шамиром во второй половине 19-го века в Мосуле. Следуя традиции редкого для сирийской христианской литературы жанра арабо-мусульманского “адаба,” главной характеристикой которой является гармоническое сочетание развлекательных и назидательных элементов, дьякон Иеремия предлагает читателям своего рода продолжение *Книги занимательных историй*, знаменитого сборника анекдотов, составленного западно-сирийским ученым Григорием Бар-Эбреем в 13 веке. В своем произведении Иеремия сводит вместе как высокоученые/книжные и низовые/фольклорные, так и христианские и мусульманские элементы популярной культуры позднеоттоманского Мосула. Особую роль в собрании Иеремии занимают анекдоты “западного” происхождения, которые можно разделить на две условные группы – заимствования из классических античных источников (такие как анекдоты из *Истории* Геродота и *Сравнительных жизнеописаний* Плутарха) и отголоски книжной традиции западного христианства (например, анекдот о случайной гибели французского монарха Карла Злого). Фокус на данных анекдотах позволит лучше понять уникальную роль дьякона Иеремии как своего рода интеркультурального брокера, выступающего в роли посредника между двумя глобальными культурами – исламской и христианско-европейской – и локальной

традицией сирийского христианского меньшинства, к которому он сам принадлежал.

Сведения об авторе: Минов Сергей Валерьевич — PhD, ведущий научный сотрудник Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ; e-mail: sergeyminov@gmail.com

Л.Р. Франгулян
(Москва, ИВ РАН)

ПРЕДАНИЕ О ПАДЕНИИ МАСТЕМЫ/САТАНЫ В КОПТСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Апокрифическая литература была широко распространена среди египтян-христиан. Хотя ряд церковных деятелей и выступали против чтения такой литературы, ее сюжеты все равно продолжали существовать и трансформироваться на протяжении веков.

Одним из таких сюжетов можно назвать падение Сатаны. В общехристианском предании этот сюжет опирается на несколько библейских цитат и получает апокрифическое продолжение. Известно две версии случившегося: гордость Сатаны и его зависть к Адаму.

Коптская же традиция нашла отражение в двух произведениях, не считая упоминаний у разных авторов. Во-первых, это «Поставление архангела Михаила». Этот текст дошел полностью в одной рукописи IX в. и большая его часть посвящена падению Сатаны, часто называемого в коптских текстах Мастемой, именем, взятым из ветхозаветного апокрифа «Книга Юбилеев». В этом памятнике описано нежелание сатаны поклониться Адаму и последующая потеря им всех почестей. Во-вторых, это палимпсест, сохранившийся в одной ватиканской рукописи X в. Стертый текст был издан и содержит эпизод, как Мастема пал из-за зависти к архангелу Михаилу, что представляет собой уникальную трансформацию сюжета как для греческой, так и для коптской традиции.

Сведения об авторе: Франгулян Лилия Рубеновна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН; e-mail: 8liya8@gmail.com

ЛИТЕРАТУРЫ ЮЖНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Н.Ю. Антипова

(Москва, ИМЛИ РАН)

ЭТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ БУДДИЗМА В КХМЕРСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ЖАНРЕ САСТРА ЛБАЕНГ (XVII- XX В.)

Формирование классической литературы в Камбодже относят к XIV в. и связывают с приходом и последующим стремительным распространением буддизма Тхеравады. Буддизм оказал существенное влияние на все сферы жизни кхмеров, и его морально-этические аспекты нашли отражение как в специализированной религиозной литературе на кхмерском языке, так и в произведениях художественной литературы, в частности в работах поэтического жанра *састра лбаенг*, начало бытования которого относят к XVII в. Авторы *састра лбаенг* нередко заимствовали сюжеты из фольклора и джатак, придавая им стихотворную форму и излагая их более подробно и увлекательно.

В отличие от философских буддийских текстов, рассчитанных на монахов, в *састра лбаенг* использовался доступный язык, понятная композиция, близкие простому народу фольклорные мотивы и совершенный главный герой как образец для подражания. *Састра лбаенг* в наглядной и увлекательной для мирян форме излагали основные правила и ценности буддизма и служили инструментом для воспитания нравственности населения, а также в какой-то степени способствовали популяризации учения, делая буддизм более привлекательным и менее сложным для понимания. В качестве наиболее важных добродетелей в *састра лбаенг* называли упорный труд, честность, жертвенность; все действия, связанные с ними, способствовали накоплению религиозных заслуг.

*Сведения об авторе: Антипова Наталья Юрьевна — аспирант Отдела
литератур стран Азии и Африки ИМЛИ РАН; e-mail:
natalie.antipova.bb@gmail.com*

Е.Ю. Кнорозова

(Санкт-Петербург, РГПУ)

КОНТАКТ С БОЖЕСТВОМ В «ДИАЛОГЕ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И ЛУНОЙ»

В докладе рассматривается небольшая поэма «Диалог между человеком и луной» неизвестного автора (XIX в.). Вьетнамский ученый Фам Куинь приводит версию, основанную на устной традиции, записанную вьетнамской иероглифической письменностью *ном*. Во Вьетнаме, так же, как и в прочих странах дальневосточного культурного ареала, образ луны получил широкое распространение в поэтических произведениях. Сближаются образы луны, водной глади и зеркала. Ночное одиночество побуждает человека к поискам контактов с луной, которые реализуются в различных вариантах. Герой вьетнамской поэмы полон не только платонического восторга, но и хотел бы подняться в небесный дворец и соединиться с луной. Особую популярность в чуской культуре получили представления о любви небожительницы и простого смертного. Важная обрядность цикла культа плодородия в древнем Китае, это ритуалы священного соития божества плодородия с представителем человеческого коллектива.

Сведения об авторе: Кнорозова Екатерина Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник РГПУ им. А.И. Герцена; e-mail: knorozova@yandex.ru

Е.С. Кукушкина
(Москва, ИМЛИ РАН)

ГЕРОИНИ ХРОНИКИ МАЛАЙСКИЕ РОДОСЛОВИЯ (XVII В.) В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ МАЛАЙЗИИ

Вопрос национальной идентичности неизменно актуален для малайцев. Являясь титульным этносом Малайзии, они с колониальных времен конкурируют с китайскими и индийскими иммигрантами во всех сферах и вынуждены постоянно подтверждать статус малайской цивилизации. В поиске национальных символов на основе историко-литературной традиции активно участвуют писатели.

В число образов, получивших символическое значение в современной литературе, входят героини хроники *Малайские родословия* Тун Куду и Тун Фатима. В хронике обе они – сугубо пассивные персонажи. Тун Куду – супруга одного из султанов Малакки, который отдал ее влиятельному царедворцу, чтобы предотвратить раскол при дворе. Тун Фатима – дочь несправедливо казненного первого министра, насильно взятая в жены другим султаном. В современной литературе две красавицы стали воплощением страданий благородной жертвы.

На волне подъема национального движения в середине XX в. покорность героинь судьбе трактовалась как самопожертвование ради мира в Малакке. Встречались и толкования в русле социально ангажированной литературы, разоблачающие социальное угнетение (роман Хамдама *Тун Куду*, 1951; пьеса Усмана Аванга *Покорность женщины*, 1964). Тот же акцент, но уже в свете гендерной и постколониальной проблематики, появляется во второй половине XX в. в поэзии Зайхасры, Зурины Хассан, Мухаммада Хаджи Саллеха.

Вокруг фигуры Тун Фатимы также сложилась апокрифическая традиция, превратившая ее в женщину-воина, борца с колонизаторами.

Начало традиции положил Шахаром Хусейн, стремившийся своим творчеством поддержать национально-освободительное движение. Образ оказался востребованным и дальше (о Фатиме-воительнице писали Дарус Ахмад, Абдул Азиз Вок, Хайруддин Айип и др.). В последнее время тенденция героизации Тун Фатимы особенно заметна.

Интерес писателей к героиням традиционной литературы отражает активность и направление поиска национального малайского идеала.

Сведения об авторе: Кукушкина Евгения Сергеевна — кандидат филологических наук, заведующий Отделом литератур стран Азии и Африки ИМЛИ РАН; e-mail: zhenya_isaa@mail.ru

А.В. Миргородова

(Москва, ИМЛИ РАН, НИУ ВШЭ)

ВЬЕТНАМСКАЯ БУДДИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ (В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА ЭПОХИ ЧАН (XIII–XIV ВВ.))

Чаще всего во вьетнамской исследовательской литературе по отношению к буддийской поэзии (особенно малых форм) используется словосочетание «поэзия *тхиен*» (*вьетн.* thơ Thiền. *Тхиен* – вьетнамский вариант китайского *чань* и японского *дзэн*). Оно может выступать в качестве зонтичного термина, охватывающего все поэтические сочинения, так или иначе связанные с буддизмом, в том числе и светские произведения. Однако при существовавшей в средневековых литературах Дальнего Востока дихотомии «светского» и «несветского» творчества, «поэзии» и «не-поэзии» такое определение размывает границы понятия «буддийская поэзия».

Это также показывает проблематику светско-религиозного литературного дискурса во Вьетнаме эпохи династии Чан (1226–1400 гг.), о котором из-за отсутствия сохранившихся сведений можно судить лишь опосредованно – через оценки поздних энциклопедистов-неоконфуцианцев и свидетельства о дискуссиях в странах того же культурного ареала (Китай, Япония, Корея). Так, например, долгое время в соседнем Китае буддийские стихотворения, в частности *гатхи* (*вьетн.* kệ), отражающие суть учения, не считались равными высокой поэзии *ши* (*вьетн.* thi), которая являлась показателем престижа и включения произведения в элитарный дискурс. Прежде всего это связано с различными функциями *гатхи* и высокой поэзии: удовлетворение религиозных или эстетических потребностей.

Во Вьетнаме XIII–XIV вв. *гатхи-ке* и светские стихотворения зачастую писались по одним и тем же правилам стихосложения, поэтому форма не является достаточным критерием для дифференциации буддийской и небуддийской поэзии. Таким образом, для определения понятий «буддийской поэзии» и «поэзии тхиен» необходимо прежде всего учитывать функции произведений, различение которых характерно для средневекового литературного дискурса в странах Дальнего Востока.

Сведения об авторе: Миргородова Анастасия Вадимовна — младший научный сотрудник Отдела литератур стран Азии и Африки ИМЛИ РАН; магистрант, преподаватель Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ; e-mail: amirgorodova@hse.ru

Д.Ю. Охват

(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ТРАДИЦИОННЫЕ СЮЖЕТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАМБОДЖИ

Современная кхмерская литература во многом сохраняет традиции, заложенные первыми кхмерскими писателями-прозаиками. Первые прозаические произведения появились в Камбодже только в 40-х годах 20 века. Стоит отметить, что первым и долгое время практически единственным жанром кхмерской литературы был роман. Именно тогда, в середине 20 века, сформировались принципы, которым следуют и многие современные писатели.

Несомненно, сюжеты к которым обращаются кхмерские прозаики являются наследием стихотворных литературных памятников Среднего периода кхмерской литературы (14-19 вв). Все эти произведения были подчинены влиянию буддизма Тхеравады.

Одним из наиболее популярных сюжетов остается история «героя-сироты». Главный герой (или героиня, что встречается гораздо реже) произведения, оставшийся без поддержки родителей, преодолевает различные испытания, выпавшие на его долю, и в финале произведения получает заслуженную награду. Этот традиционный для кхмерской литературы сюжет напоминает волшебные сказки, основанные на мифах об инициации. Структура такой сказки совпадает с сюжетной основой кхмерского романа. Герой, оказавшийся в исходной ситуации «недостачи», преодолевает испытания и приходит к счастливой развязке.

*Сведения об авторе: Охват Дарья Юрьевна — старший преподаватель
Кафедры филологии Юго-Восточной Азии Восточного факультета
СПбГУ; e-mail: dariaohvat@mail.ru*

Пандей Париджат

(Москва, НИУ ВШЭ)

ДХАРМА НЕВЫСКАЗАННОГО: ШАБДА, МАУНА И ФИЛОЛОГИЯ ПАУЗЫ В МАХАБХАРАТЕ

Где слова формируют миры в *Махабхарате*, часто именно молчание их преобразует. Данная работа раскрывает забытый принцип в сердце эпоса: дхарму молчания — не как пустоту, а как священную форму смысла. Когда Драупади сдерживает свой крик, когда Бхишма, поражённый и лежащий на ложе стрел, выбирает дхармическое молчание перед передачей мудрости, когда Господь Кришна улыбается вместо того, чтобы отвечать — мы сталкиваемся не с отсутствием, а с присутствием; не с пустотой, а с напряжением.

Опираясь на индийские классические дисциплины — Мимамсу, Натъяшастру и Вьякарану, это исследование вводит концепцию Филологии Паузы — грамматики несказанного, где мауна (молчание) становится шабдой (речь) в своей наиболее очищённой форме. Эти молчания не пассивны; они наполнены тапасом — лингвистической аскезой — и выполняют функции дхармы, сопротивления и откровения. Работа интерпретирует эти моменты не как текстовые пропуски, а как мета-высказывания: где молчание становится самой правдивой речью эпоса.

Здесь *Махабхарата* не просто повествует; она удерживает. И в этом удержании она учит. Молчание становится оружием, обетом, раной, формой знания, которая выходит за пределы логики и входит в расу — осязаемую сферу смысла.

Данное исследование предлагает, что в эпической традиции Бхараты, то есть Индии, чтобы говорить по-настоящему, прежде всего необходимо научиться молчать. И в мире шума именно эта священная невысказанная дхарма может быть последней оставшейся истиной.

Сведения об авторе: Пандей Париджат — аспирант НИУ ВШЭ; e-mail: pandey.p@hse.ru

В.А. Саенгнатесванг

(Москва, ИМЛИ РАН; Бангкок, Таиланд)

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ КАК СТРАТЕГИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: РОМАН ДОКМАЙСОТ «ЕЁ ВРАГ» (1929 Г.)

Доклад посвящён анализу центрального сюжетного мотива романа Докмайсот «Её враг» (тайск. *ศัตรูของเจ้าหล่อน* / *satru khong t'yaulon*) — перевоплощения главного героя, Прасонга, в фигуру Прасома. Эта сюжетная линия интерпретируется как выражение стратегии формирования и трансформации идентичности в условиях социокультурных изменений Таиланда конца 1920-х — начала 1930-х годов. В частности, акцент делается на переходе от фольклорного понимания перевоплощения как магического или мифологического акта (например, в традиции «Рамакиен») к его переосмыслению как социального и этического приёма.

Создание Прасома представлено в тексте не как простая маскировка или смена имени, а как конструирование альтернативной личности, позволяющее Прасонгу преодолеть внутреннее противоречие между личным чувством и общественным долгом. Через эту фигуру герой вступает в новую форму взаимодействия с Маюри — образованной и самостоятельной женщиной, воплощающей модернизированную модель женской субъектности.

Двойственная идентичность героя становится инструментом для репрезентации ключевых культурных проблем эпохи: трансформации гендерных ролей, классовой мобильности, а также напряжения между традиционными нормами и модернизационными дискурсами. Перевоплощение в данном контексте приобретает значение акта самопознания и этического выбора, а также средства артикуляции эмоциональности и рефлексивности как составляющих новой мужской

идентичности, формировавшейся в литературе Таиланда в первой половине XX века.

Сведения об авторе: Саенгнатесванг Вера Александровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела литератур стран Азии и Африки ИМЛИ РАН, преподаватель Университета Тхаммасат (г. Бангкок, Таиланд); e-mail: vera.saengnateswang@gmail.com

А.А. Соколов
(Москва, ИВ РАН)

ЭКРАНИЗАЦИЯ ПОЭМЫ НГУЕН ЗУ «ИСТОРИЯ КИЕУ»: ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВИДОВ ИСКУССТВ

Рождение новой культуры и искусства во Вьетнаме совпало с периодом французской колонизации. В 1924 г. в Ханое был снят художественный фильм по мотивам средневековой поэмы Нгуен Зу «История Киеу», в котором участвовали актеры традиционного театра туонг. Перевод поэмы на французский язык и написание сценария осуществил вьетнамский литератор и журналист Нгуен Ван Винь.

Этот фильм стал примером *художественного взаимодействия* литературы, театра и кинематографа, и как любая экранизация классического литературного произведения представляет собой «специфическую интерпретацию произведения прошлой эпохи с точки зрения современности, вольно или невольно реализуя новые эстетические категории, современные воззрения на человека и общество».

Текст произведения в процессе его экранизации подвергается своеобразному переводу, в результате чего приобретает иную (визуальную) характеристику. Экранизация становится одним из способов освоения художественной действительности литературного текста.

В результате экранизации поэмы Нгуен Зу возник не только контакт между разными культурами, но и пусть ещё не полноценный диалог, очевидная «встреча» литературы с другими видами искусства, причем, в формах и традиционных, и современных, когда французские кинематографисты и вьетнамские зрители оказались в разных культурных и художественно-эстетических пространствах и ещё находились в движении навстречу друг другу.

Сведения об авторе: Соколов Анатолий Алексеевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН; e-mail: ansokolov@mail.ru

К.В. Табунова

(Москва, ИМЛИ РАН)

**«СВОЙ» И «ЧУЖОЙ»: ОБРАЗЫ ПРОТАГОНИСТОВ И
АНТАГОНИСТОВ В МАЛАЙСКИХ РАССКАЗАХ АБДУЛА
РАХИМА САЛИМА КАДЖАЯ (1894-1943)**

Абдул Рахим Салим Каджай (1894-1943) – малайский литератор и журналист, внесший фундаментальный вклад в становление малайской литературы и признанный основателем жанра рассказа в Малайзии, а также отцом малайской журналистики. Его творческая деятельность пришлась на период активного развития националистического движения в Британской Малайе, что существенно повлияло на формирование его художественного метода и идеологических установок.

Центральной особенностью литературного наследия Каджая является последовательное выстраивание системы персонажей на основе этнической дихотомии «свой – чужой», где критерием разделения выступает принадлежность к малайской нации. Эта бинарная оппозиция является основной в выстраивании системы персонажей его рассказов и служит основным инструментом выражения националистических идей автора.

В рассказах Каджая протагонисты, они же герои-малайцы, неизменно наделяются положительными качествами: они выступают носителями национального духа, демонстрируют смелость, отвагу, принципиальность и верность традиционным идеалам. Эти персонажи воплощают авторское представление о том, каким должен быть истинный малаец.

В противовес им персонажи не-малайского происхождения – китайцы, арабы, представители смешанных браков – изображаются как носители чуждых ценностей и разрушительных для малайского общества. Они выполняют функцию антагонистов не только в сюжетном плане, но и в идеологическом измерении, представляя угрозу для сохранения малайской

идентичности. Их образ мысли, поведенческие модели и жизненные приоритеты систематически противопоставляются малайским героям, создавая четкую границу между «своими» и «чужими».

Сведения об авторе: Табунова Кира Викторовна — аспирант Отдела литератур стран Азии и Африки ИМЛИ РАН; e-mail: kira_herd00@list.ru

М.В. Фролова

(Москва, ИСАА МГУ)

ТАНЦЫ В ХОРРОР-ДИСКУРСЕ ИНДОНЕЗИИ: ОТ ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ 1980-Х ГГ. К БЕЛЛЕТРИЗАЦИИ И ЭКРАНИЗАЦИИ СЕТЕВОГО ФОЛЬКЛОРА 2019-2024 ГГ.

В яванской культуре девушка, ее пение, танцы и аккомпанирующие музыканты – единый организм, называемый *ронггенг*, традиционно важный элемент деревенской культуры Явы. Под воздействием урбанизации и исламизации изначально магико-сакральная роль танцовщиц была утрачена.

Дурная репутация *ронггенг* стала перводвигателем сюжета в трилогии Ахмада Тохари (род. 1948) «Танцовщица-ронггенг из деревни Парук» (*Ronggeng Dukuh Paruk*, 1982). Это деревенская проза о жителях яванского захолустья, ставших жертвами репрессий коммунистов в 1965 г. В тексте достоверно отражены этнографические подробности: танцующая *ронггенг* связана с центральным положением плодородия в аграрных обществах. Однако позиция автора трилогии, основанная на мусульманском реформизме, призывает искоренить из собирательного образа страны в виде деревни Парук нищету, проституцию и суеверия. Ужасные события объясняются рационально, невежеством и политической безграмотностью.

Кассовый фильм 2022 г. «Студенты на практике в деревне духов» (*KKN di Desa Penari*) получил статус культового всего за несколько лет; приквел «Танцовщица Бадаравухи в деревне духов» (*Badarawuhi di Desa Penari*) вышел в 2024 г. Главный антагонист «киновселенной», основанной на народном творчестве в Интернете, сетевых фабулатах о студентах на практике – злой дух деревенской танцовщицы. Несоблюдение ритуалов, вымирание традиций нарушает миропорядок, гармонию и взаимодействие деревенских жителей с духами, а элементы народной яванской культуры

становятся источником страшного. Элементы молодежного *слешера* укрепляет мораль и не противоречит новой мусульманской этике. Фильм фиксирует процесс превращения бывших *абанган* в современных *сантри* (по К. Гирцу). Сюжет перекликается с литературным произведением Ахмада Тохари, так как в *message* «Деревни духов» заложена позиция крупной мусульманской негосударственной организации *Мухаммадья*, не допускающей народные элементы в религию, а также ставящая под сомнение саму правомерность понятия «яванский ислам».

Сведения об авторе: Фролова Марина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент Кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: frolovamv@my.msu.ru

ЛИТЕРАТУРЫ КИТАЯ И МОНГОЛИИ

В.С. Астралецкий

(Минск, Беларусь)

СИНТЕЗ ЗАПАДНЫХ И КИТАЙСКИХ СТЕРЕОТИПНЫХ ОБРАЗОВ В СЕМИОТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ МОДЕРНИСТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ КИТАЯ 80-Х ГГ. XX В.

Модернизм, возникший и сформировавшийся в западной литературе задолго до его официального признания в Китае, представляет собой особую семиотическую модель, тяготеющую к созданию новых форм выражения, разрушающих традиционные нормы репрезентации реальности в художественном произведении.

Придя на китайскую почву в первые десятилетия XX в., данный лингвокультурный феномен достигает расцвета лишь в 1979–1989 гг. и расширяет языковую картину мира (ЯКМ) Китая 80-х гг. XX в. новыми стереотипными образами, синтезирующими в своём характере западный и национальный литературно-языковой опыт. Анализ формирования стереотипов, возникающих на стыке двух культур, показывает, что они выступают средством реализации автором гносеологической составляющей его бытия, инструментом отражения в художественном языке отношения языковой личности к явлениям реального мира. Будучи поливариантными знаковыми образованиями, модернистские стереотипы вступают в контраст с реальностью и, формируя специфическую структуру и семантику художественных образов, фиксируются в национальной ЯКМ в качестве значимого элемента.

Сведения об авторе: Астралецкий Владислав Сергеевич — аспирант, старший преподаватель Кафедры теории и практики китайского языка Минского государственного лингвистического университета (Беларусь); e-mail: v_s_astrametskiy@mail.ru

Е.Е. Балданмаксарова

(Москва, ИМЛИ РАН)

МОНГОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА I ПОЛ. XX В.: ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ, ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ТВОРЧЕСКОГО МЕТОДА

С 20-х годов XX в. начинается новый этап в истории монгольской литературы: из традиционалистской литературы она переходит в иное качественное состояние, формируя новый тип литературы, новое художественное восприятие действительности. Основным условием этого перехода послужила секуляризация художественного мышления, которая была связана с переходом от религиозности к светскости, а также уход от идей нормативной поэтики, определявшей в течение нескольких столетий развитие творческого процесса. Новое историческое время со своими невиданными переменами вызвало новые формы эстетического познания и отображения мира. Переписка монгольских писателей с А.М. Горьким – это важнейшая страница в истории монгольской литературы, оказавшая большое влияние как на самих писателей, так и на развитие литературы в целом. Все это приводит к изменению методов создания художественного произведения, и, соответственно, меняется и способ ее понимания и интерпретации. Свидетельством этому является появление первого литературного альманаха «Свод изящных слов» (1929). Его можно рассматривать как своеобразный итог развития монгольской литературы двадцатых годов. В нем были представлены все три вида литературы – проза, поэзия и драма, авторами которых выступили основоположники современной монгольской литературы. Для литературы 20-30-е гг. XX в. характерен интерес к проблемам формы и содержания, жанрово-стилевым поискам и роста мастерства писателей, т.е. основам теории литературы, принципам работы над художественным текстом. Данной теме посвящена в

альманахе программная статья С. Буяннэмэха «Тезисы о том, как создавать литературные произведения», которая позволяет констатировать, что С. Буяннэмэх стоял у истоков современного монгольского литературоведения.

Сведения об авторе: Балданмаксарова Елизавета Ешиевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела литератур стран Азии и Африки ИМЛИ РАН; e-mail: liza.bur@mail.ru

К.А. Балюта

(Москва, НИУ ВШЭ)

**ПСЕВДОДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ НАРРАТИВ В ПРОЗЕ
КИТАЙСКИХ АВАНГАРДИСТОВ 1980–90Х ГГ.:
КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ**

Доклад посвящен композиционным и стилистическим особенностям произведений китайской литературы авангарда (*сяньфэн вэньсюэ*) 1980-90х гг., а именно псевдодокументальному нарративу в рассказе Гэ Фэя «Цинхуан» (*Цинхуан*, 1988) и романе Хань Шаогуна «Словарь Мацяо» (*Мацяо цыдянь*, 1996).

Роман Хань Шаогуна (р. 1953) представляет собой словарь диалектной лексики глухой деревенской местности, в котором писатель конструирует собственный язык и реальность, где разрушаются дихотомии «важное» — «второстепенное», «центр» — «периферия», время субъективно, а язык служит как инструментом власти, так и важной частью идентичности. В рассказе Гэ Фэя (р. 1964) говорится «о поиске несуществующего» [Завидовская 2010], сюжет построен вокруг экспедиции повествователя в деревню с целью найти никогда не существовавшую летопись. Рассказ полифоничен и ставит проблему объективности истины и достоверности воспоминаний.

В обоих произведениях повествователи предстают в образах ученых (историка и лингвиста), присутствуют элементы псевдодокументального нарратива (мистификация, ссылки на существующие и несуществующие исторические источники, использование научного и документального стиля речи). Оба писателя в своих текстах ставят под сомнение идею линейности времени и объективности истории. История в их прозе — текст, нарратив, который видоизменяется в соответствии с волей говорящего. Кроме того, в обоих присутствует большое количество цитат и культурных

реминисценций, которые вписывают тексты не только в постмодернистскую парадигму, но и в классическую китайскую текстоцентричную традицию.

Сведения об авторе: Балюта Ксения Антоновна — преподаватель Школы Востоковедения НИУ ВШЭ; e-mail: kbalyuta@hse.ru, k.balyuta@mail.ru

Е Янян

(Благовещенск, АмГУ)

ОБРАЗ ЖЕНЫШЕНЯ В КИТАЙСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ НАЧАЛА XX В.

Женьшень, как известно, не только чудодейственное растение, широко применяемое в восточной, в первую очередь, китайской медицине – упоминание о нем находим в «Травнике Шень Нуна» XVII в. и более ранних текстах. Женьшень – образ, глубоко укорененный в религиозных представлениях населения Северо-Востока как растительная эманация Духа Леса и Гор наряду с тигром, священными деревьями и водоемами. Мощный толчок к развитию фитолатрия, определяемая чудесными свойствами женьшеня, получила после «Прорыва в Гуаньдун» (те. На северо-восточные земли) ханьского населения и развития женьшениевого промысла. В китайской культуре и фольклоре Северо-Востока происхождение текстов о женьшене может быть датировано рубежом XIX–XX в., однако системным собиранием фольклора китайские исследователи начали заниматься в середине XX в. Бытование этих текстов в устной традиции китайского населения (в широком смысле) российского Дальнего Востока и Маньчжурии подтверждают этнографические изыскания русских ученых, в начале XX в. приступивших к исследованию Дальнего Востока и Северной Маньчжурии в те годы. Речь идет, в первую очередь, о В.К. Арсеньеве, Н.А. Байкове, П.В. Шкуркине.

В данном докладе речь пойдет о взаимовлиянии китайской и в целом северо-восточной культуры, фольклора о Женьшене и изысканиях русских ученых-этнографов и натуралистов, фиксирующих мифологические рассказы и легенды о Женьшене.

Сведения об авторе: Е Янян — ассистент Кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета; e-mail: yanyan.ye@mail.ru

А.А. Забияко

(Благовещенск, АмГУ)

**ДУХ ЛЕСА И ГОР В ФОЛЬКЛОРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ПОРУБЕЖЬЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО И ЭТНОРЕЛИГИОЗНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИИ**

Представление о Духе Леса и Гор в фольклоре жителей дальневосточного фронта (русского Дальнего Востока и китайского Северо-Востока) является выражением одной из универсалий религиозного комплекса дальневосточного порубежья. Этот образ наделяется разнообразными мифологизированными обликами, имеет зооморфные (тигр), тероморфные (дракон, Белая Змея), орнитоморфные (птица Панчуй), фитоморфные (женьшень, священный кедр) эманации. Справление культа Духа Леса и Гор присуще русским, китайским, тунгусо-маньчжурским народом, обитающим и промысляющим в тайге (Шу-хае, Лесном Море). В этом культе синкретизировались региональные, общеханьские и русские традиции почитания Хозяина Тайги. В самых разных жанрах устного народного творчества (легенды, устные истории, сказки, песни) и промысловой магии (молитвы) присутствует упоминание о Духе Леса и Гор либо этот образ становится сюжетообразующим. В религиозных представлениях промысловых артелей Дух Леса и Гор (Лао Батоу) обладает своей специализацией, своей сферой влияния, сохраняя при этом сущностные характеристики.

В творчестве русских писателей дальневосточного порубежья, в первые десятилетия XX в. исследовавшим религиозные представления и этнокультурное своеобразие жителей Дальнего Востока и Маньчжурии (Н.А. Байкова, В.К. Арсеньева, П.В. Шкуркина, Б.М. Юльского и др.), находит отражение сама традиция почитания Духа Леса и Гор, она же

служит и сюжетообразующим стержнем многих произведений. Однако эти же исследователи фиксируют и эвгемирический перенос черт Духа Леса и Гор на образы собственно русских таежников, обладающих, по мнению китайских промысловиков, особенными, сверхчеловеческими качествами (Н.А. Байков). Данную особенность фиксируют и китайские писатели (Сяо Цзюнь), воссоздавая культ предводителя хунхузов, бытующий у местного населения.

Сведения об авторе: Забияко Анна Анатольевна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и мировой художественной культур Амурского государственного университета; e-mail: a.a.sciencia@yandex.ru

Н.В. Захарова

(Москва, ИМЛИ РАН)

КИТАЙСКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

В 30-е гг. почти одновременно выходят в свет две повести китайских писателей, на примере которых можно определить типологические черты нового литературного направления: сатирической прозы с элементами фантастики в его связи с традиционной литературой. Это повесть уроженца Нанкина Чжан Тяньи (1906–1985) «Записки из мира духов» (1931) и пекинца Лао Шэ (1899–1966) «Записки о Кошачьем городе» (1932). Оба писателя использовали сатиру, часто принимающую форму гротеска, для критики социальных и политических проблем Китая первой половины XX века: пережитков старой феодальной культуры, социального неравенства, политического лицемерия.

Действие повести Чжан Тяньи разворачивается в фантастическом мире - «мире духов», куда герой попадает после смерти. В центре сюжета – выборы, в которых участвуют две политические партии («корточкисты» и «восседающие»), ведущие абсурдную борьбу из-за поз в «местах отдохновения». Чжан Тяньи высмеивает представителей «верхнего яруса» - интеллектуальной элиты, которые ведут бессмысленные дискуссии, прячась от реальных социальных проблем. В повести используется прием гротеска, например, носы жителей скрыты, так как их демонстрация считается неприличной. В аллегорической форме Чжан Тяньи высмеивает стремление китайской интеллигенции в 30-е гг. на фоне общего культурного упадка провозглашать традиционные для феодального нравственные концепты конфуцианства.

Стилистические приемы гротеска и абсурда использует и Лао Шэ в повести «Записки о Кошачьем городе». Также, как у Чжан Тяньи, его герой

оказывается в нереальном мире — после крушения межпланетного корабля попадает в город кошек. Здесь царят те же проблемы, что и в современном Лао Шэ Китае — наркомания, продажность чиновников, разрушение культуры. Лао Шэ создает роман-антиутопию, в котором обличает феодальные пережитки, коллаборационизм с японскими оккупантами и гражданскую войну. Символичен финал повести — гибель города — как предостережение о возможном фатальном будущем страны.

Сведения об авторе: Захарова Наталья Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела литератур стран Азии и Африки ИМЛИ РАН; e-mail: radaeva2002@gmail.com

Ю.Г. Киселева

(Пекин, Китай)

ТВОРЧЕСТВО ТАЙВАНЬСКИХ ПИСАТЕЛЬНИЦ ЛИ АН И ЛИНЬ ИХАНЬ: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИЛИ ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СХОДСТВО?

Писательница Ли Ан (род. 1952) за время своей длительной писательской деятельности застала ключевые преобразования тайваньского литературного процесса второй половины XX в. Зачастую ее работы становились отражением как художественных тенденций, так и социальных противоречий эпохи. Так, например, роман «Жена мясника» затронул множество провокационных, табуированных тем, связанных с насилием и женской субъектностью. В свою очередь, писательница Линь Ихань (1991–2017), представительница нового поколения интернет-литературы, в романе «Райский сад первой любви» и других текстах сохранила интерес к травматическому опыту, характерный для творчества Ли Ан.

Сопоставление творчества писательниц позволяет выделить два возможных подхода к интерпретации общих черт. С одной стороны, можно говорить о художественной преемственности: Линь Ихань развивает приемы Ли Ан — психологизм, жанровую деконструкцию, нестандартную композицию и нетрадиционный нарратив. С другой стороны, сходство может быть типологическим: обе писательницы независимо реагировали на схожие социальные вызовы (стигматизацию, насилие, патриархальные предрассудки и др.), что закономерно порождало близкие темы и образы. Таким образом, вопрос о природе параллелей в их творчестве остается открытым. Анализ текстов в контексте тайваньской женской литературы о травме позволит глубже погрузиться в вопрос о том, являются ли общие черты в их творчестве влиянием традиции или результатом совпадения художественных стратегий.

*Сведения об авторе: Киселева Юлия Геннадьевна — магистрант
Пекинского университета языка и культуры; e-mail: kandertra@yandex.ru*

Е.А. Константинова
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПРИНЦИПЫ НАПИСАНИЯ СТИХОВ В РАССУЖДЕНИЯХ ЦЗЭН ГОФАНЯ (1811-1872)

Цзэн Гофань был родом из небольшой деревни, но сумел достичь значительных высот как в военной, чиновничьей карьере (подавление тайпинского восстания, организация политики «самоусиления»), так и в деятельности ученого, философа, литератора, обладая природными талантами и душевной прямоотой. Занимая высокую должность в академии Ханьлинь, постоянно занимался самообразованием. Для этих целей он разработал учебный план, которому старался следовать всю жизнь, основные аспекты которого включали регулярное чтение книг, анализ человеческих взаимоотношений, самосовершенствование и в том числе — написание стихов. В творчестве Цзэн Гофана на принципах написания стихов сделан особый акцент, так как им как представителем тунчэнской литературной школы уделялось особое внимание «образцу написания стихов и текстов (*ши вэньчжан* 诗文章). В «Полном собрании сочинений князя культурной правильности» представлены несколько разделов, в которые включены стихи автора. Самый масштабный седьмой раздел состоит из стихов (*ши* 詩) Цзэн Гофана (более 5 тысяч).

Цзэн Гофань считал, что при написании стихов следует уделять внимание мелодике:

«[Я] выбрал для переписывания пятисложный стих девяти философский учений эпохи Чжаньго и семисловные стихи шести

школ, [их] мелодика всегда сильна и убедительна, оттого [они] никогда не приедаются людям».

По его мнению, каждый человек способен раскрыть свой творческий потенциал, главное в этом терпение, постоянство, дисциплина, умение учиться и получать знания.

Вот его рассуждения о том, как нужно писать стихи:

«Так как существуют лишь поэтические слова, [передающие] звуки людей, но не существует поэтических слов, [передающих] глас Неба. Тот, кто уразумел это, может заставить звуки людей и глас Неба сочетаться вместе, поэтому [о нем можно сказать, что он] узнал больше половины о принципах поэзии».

Цзэн Гофань создал множество ценных методик обучения, способных быть наставлениями потомкам — любовь к занятиям учебой, каллиграфией, чтением, написанием стихов, ведением регулярных записей и т.д.

Сведения об авторе: Константинова Екатерина Александровна — кандидат философских наук, старший преподаватель Кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ; e-mail: vasilyeva.ekaterina@gmail.com

М.Е. Кравцова

(Санкт-Петербург, независимый исследователь)

К ИСТОРИИ ОФИЦИАЛЬНЫХ РИТУАЛЬНО- ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫХ ПЕСНОПЕНИЙ ИМПЕРСКОГО КИТАЯ

Доклад посвящен происхождению и основным этап развития ритуально-церемониальных песнопений как отдельной поэтической традиции имперского Китая. Под официальными ритуально-церемониальными песнопениями предлагается понимать, произведения, предназначенные для исполнения во время проведения государственных ритуальных (в первую очередь жертвоприношений) и придворных церемоний, многие из которых тоже носили религиозный характер. Для периода со II в. до н. э. по начало XI в. н. э. сохранилось несколько сотен такого рода произведений, которые не только составляют важный отдел поэтического наследия указанных столетий, но и служат ценными, а иногда и уникальными источниками, для изучения официальных религиозных представлений, ритуальных практик и придворного церемониала имперского Китая.

Сведения об авторе: Кравцова Марина Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь; e-mail: kravtsova_sin@mail.ru

И.А. Мощенко

(Москва, ИМЛИ РАН)

МОДЕРНИСТСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО СЮЖЕТА В НОВЕЛЛЕ ШИ ЧЖЭЦУНЯ «ГОЛОВА ГЕНЕРАЛА» (1932 Г.)

Новелла Ши Чжэцуня опирается на средневековый фольклорный сюжет о безголовом всаднике, зафиксированный в китайских источниках V–VI вв. В реконструкции А. Старостиной структура сюжета включает следующие элементы: 1) герой защищает определенную территорию; 2) внешняя угроза; 3) победа над ней ценой обезглавливания; 4) чудесное возвращение без головы; 5) абсурдный диалог с женщиной; 6) окончательная смерть и превращение в духа-покровителя (чаще в не-китайских версиях).

Прототип героя модернистской новеллы – танский генерал Хуа Цзиндин (Хуа Цин) (花惊定(花卿), VIII в.) – храбрый, но жестокий полководец, который прославился заносчивостью и самоуправством. Ду Фу в двух стихотворениях «Хуа Цину» (赠花卿) и «Шутливая песнь о Хуа Цине» (戏作花卿歌) использует завуалированную иронию, чтобы высмеять и раскритиковать генерала. Хуа Цин оказывается воплощением военной силы и отваги, которая в любой момент может выйти из-под контроля.

В рассказе Ши Чжэцуня генерал повторяет путь фольклорного героя: он отправляется на защиту рубежей, побеждает врага, но в бою лишается головы. Хуа Цзиндин возвращается в селение, на окраине которого хочет омыться в реке, чтобы предстать перед возлюбленной. У реки происходит встреча с ритуальным диалогом. Женщина узнаёт его, насмехается над ним,

произнося фольклорную формулу: «Безголовый призрак, ты всё ещё хочешь быть человеком? Тьфу!». С этими словами он падает замертво. Финал рассказа зеркальный и ироничный: голова врага улыбается в руке генерала, а его собственная — плачет в руке врага.

Таким образом, рассказ следует фольклорной структуре, но трансформирует её:

1. герой действует не во имя общего блага, а из личного эгоизма и страсти
2. смерть не очищает, но превращает героя в ничто
3. финал не сакрален, а носит явный гротескный характер
4. мир не возвращается к первоначальному состоянию порядка

Ши Чжэцунь создаёт пародийный текст, в котором фольклорный сюжет лишается сакральности и функции мироустройства. Он использует фольклорную форму как рамку, но наполняет её модернистским содержанием, для которого характерными темами становятся: кризис идентичности, дегероизация, отказ в спасительной функции любви, исследование психологии страсти и желания.

Сведения об авторе: Мощенко Ирина Александровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела литератур стран Азии и Африки ИМЛИ РАН; e-mail: lotvin@mail.ru

О.Б. Панова
(Томск, НИ ТГУ)

ТОЛСТОЙ И МУДРОСТЬ КИТАЯ (НА ОСНОВЕ ДНЕВНИКОВ ПИСАТЕЛЯ И ТРАКТАТОВ КОНФУЦИЯ, ЛАО-ЦЗЫ, МЭН-ЦЗЫ)

К теме Востока Л.Н. Толстой постоянно обращался на протяжении всей жизни и всего творческого пути. Предлагаемый доклад посвящён осмыслению процесса постижения Львом Николаевичем Толстым мудрости Древнего Китая, сосредоточенной в культурном наследии Конфуция, Лао-Цзы, Мэн-цзы. За основу автор берёт дневники писателя, на страницах которых отражены моменты влияния на него «Дао Дэ Цзин», «Бесед и суждений» Конфуция и других текстов китайского канона.

В первую очередь Толстого интересовали понимание мировой гармонии, нравственные проблемы, антропология, китайская эстетика, педагогические заветы в освещении древних китайских учителей. Китайские мудрецы в целом сыграли принципиально важную роль в нравственно-философских исканиях Толстого, его духовной эволюции и преодолении им религиозных кризисов.

Писатель много размышлял над ключевыми концептами китайской культуры: жэнь (гуманность, человечность), синь (сердце), ли (церемония, обряд) и другие. Китайская литература, китайская философская традиции и китайский культурный канон оказали существенное влияние на жанровые искания Толстого, эволюцию его эпоса.

Ключевые слова: Толстой, традиция Древнего Китая, этика, антропология, конфуцианский культурный канон.

Сведения об авторе: Панова Ольга Борисовна — кандидат филологических наук, доцент Кафедры методики обучения иностранным языкам и

междисциплинарных исследований образования НИ ТГУ; e-mail:
olga_ranova_1973@mail.ru

М.К. Поспелова
(Москва, ИСАА МГУ)

«САНЬВЭНЬШИ» (СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ) В ЛИТЕРАТУРЕ КИТАЯ ДО КОНЦА 1950-Х ГГ.

Становление жанра «сэньвэньши» (стихотворения в прозе) в китайской литературе принято связывать с работой над литературной реформой первых десятилетий XX в. Первое фактическое упоминание жанрового названия появилось в манифесте Лю Баньнуна «Мой взгляд на литературную реформу» 1917 г., опубликованном в журнале «Новая молодежь». Наименование «сэньвэньши» являлось прямой калькой с английского 'prose poetry' в контексте западной поэтической традиции. Наиболее известным сборником ранних «сэньвэньши» считаются «Дикие травы» Лу Синя (1927 г.). Публикация «Диких трав», достаточно мрачных по образности, совпала с проникновением в Китай литературы символизма, и на протяжении 30-х гг. многие китайские авторы, отчасти находившиеся под влиянием западной литературы и восприняв «сэньвэньши» как готовую почву для творчества, обратились к этой поэтической форме.

Гражданская и антияпонская войны существенно укрепили эстетические позиции авторов левого крыла, выступавших за главенство идейного содержания литературы, отход от такого курса критиковался. Важную роль сыграла речь Мао Цзэдуна на совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани в 1942 г. Многие авторы «сэньвэньши» позитивно восприняли образование нового Китая, и в симбиозе прозы и поэзии зазвучали совершенно новые стихи, содержание которых концентрировалось вокруг разных сторон жизни трудового народа. Таким был сборник «сэньвэньши» известного в Китае 50-х гг. поэта Кэ Ланя «Малая флейта утренней зари» (1957 г.). Среди двухсот с лишним стихотворений сборника многие посвящены промышленному труду, новой

индустриальной реальности. Несмотря на некоторую общую экзальтированность, свойственную многим произведениям того времени, стихотворения сборника заслуживают внимания как пример вовлечения в поэтический язык новой лексики, расширение тематики, образности и экспериментов с субъект-объектными отношениями.

Сведения об авторе: Поспелова Мария Кирилловна — старший преподаватель Кафедры китайской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: kardome@mail.ru

А.И. Сенжапова
(Москва, ИСАА МГУ)

ВЕКОВОЙ ПУТЬ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДРАМЫ

Историческая драма занимает особое место в современной китайской драматургии хуацзюй. На протяжении столетия этот жанр служил инструментом формирования национальной идентичности, осмысления социально-политических перемен и критического переосмысления прошлого, отражая ключевые события истории Китая.

Развитие жанра прошло несколько значимых этапов. В 1920–е гг., в период становления хуацзюй, события прошлого были представлены в романтическом ключе (Го Можо «Три мятежницы»). В сложный для Китая период противостояния японской агрессии и внутриполитической борьбы (1930–40–е гг.) историческая драма обращалась к национальным традициям и судьбам национальных героев для подъёма патриотического духа народа (Го Можо «Цюй Юань»). После образования КНР (с начала 1950–х гг.) получил развитие поджанр «Новая историческая драма» (新编历史剧). С конца 1950–х – начала 1960–х гг., на фоне обострения внутриполитической борьбы, началось активное обращение к исторической драме, причём одни и те же исторические фигуры воспринимались авторами по-разному (Го Можо «У Цзэтянь», Тянь Хань «Се

Яохуань»). Современный этап развития исторической драмы, начавшийся после «Культурной революции» (начало 1980-х гг.), характеризуется усложнением образов и смещением акцента на внутренние переживания героев.

Анализ сюжетного разнообразия жанра позволяет выделить несколько типов пьес – пьесы о правителях и политических деятелях (Го Можо «Тигровый знак», «У Цзэтянь»), о литераторах (Тянь Хань «Гуань Ханьцин») и о неординарных исторических личностях, в том числе и о женщинах (Го Можо «Чжо Вэньцзюнь»). Эволюция сюжетных типов отражает изменения в общественном сознании и способах построения диалога современного театра с историей. От идеологической дидактики историческая драма перешла к демифологизации и критическому переосмыслению истории, а также многомерности и психологизации образов.

Сведения об авторе: Сенжапова Алсу Иршатовна — аспирант

Кафедры китайской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: senzhapovaal@mail.ru

Тун Цзинтао

(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЧИ ЦЗЫЦЗЯНЬ НА ОСНОВЕ ПОДХОДОВ МАРКА ГАМЗЫ (MARK GAMSA)

Исследование посвящено анализу художественного осмысления российско-китайского культурного взаимодействия в творчестве современной китайской писательницы Чи Цзыцзянь через призму теоретических подходов историка Марка Гамзы. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения механизмов межкультурной коммуникации и гибридной идентичности в контексте глобализации.

В романах Чи Цзыцзянь («Марионеточное Маньчжоу-го», «Правый берег Аргуни») российско-китайское пограничье представлено как динамичное пространство культурного диалога и конфликта. В работе доказывается, что теоретические концепции Марка Гамзы («кросс-культурная биография», «преломление» (refraction), анализ материальной культуры и социальной стратификации) предоставляют эффективный инструментарий для анализа литературных текстов Чи Цзыцзянь.

Гибридная идентичность: Сравнение персонажа Наташи (китайско-русское происхождение) с Роджером фон Будбергом из работы Гамзы демонстрирует сложность формирования идентичности в межкультурной среде.

Материальная культура и «преломление»: Анализ бытовых практик (кулинария, архитектура, использование вещей) показывает, как культурные элементы (чай, водка, православные символы) переосмысливаются и нативизируются в ином культурном контексте, утрачивая или трансформируя первоначальное значение.

Языковая гибридность: Многоязычие и включение русской лексики в тексты Чи Цзыцзянь трактуются как маркеры культурной памяти и средства межкультурного диалога.

Классовый анализ в условиях катастрофы: На примере описания эпидемии чумы раскрывается, как Чи Цзыцзянь средствами литературы восполняет лакуны исторических нарративов, давая голос маргинализированным группам (китайские рабочие), чей опыт был проигнорирован в официальных отчетах, что коррелирует с выводами Гамзы.

Синтез литературного анализа с теоретическими подходами Марка Гамзы позволяет глубоко раскрыть многомерность изображения России в творчестве Чи Цзыцзянь. Художественные тексты писательницы выступают не просто фоном, а активным пространством переговоров культур, где травмы истории преодолеваются через создание уникального нарратива памяти, связывающего личный опыт с макрокосмом исторических процессов.

Сведения об авторе: Тун Цзинтао — аспирант Восточного факультета СПбГУ; e-mail: st112162@student.spbu.ru

М.Ю. Ульянов

(Москва, ИМЛИ РАН)

ТРУДЫ ЛУ СИНЯ (1881-1936) ПО ИСТОРИИ СЮЖЕТНОЙ ПРОЗЫ (СЯОШО) 1924-1927 ГГ.: ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ

В научной литературе укоренилось мнение о том, что Лу Синь (1881-1936) – основоположник современной китайской литературы. Переведены и изучены многие его художественные и публицистические произведения, описаны сделанные им переводы сочинений иностранных авторов. Гораздо меньше внимания уделено его вкладу в развитие филологической науки, в частности его литературоведческим трудам и их влиянию на формирование представлений о развитии сюжетной прозы (кит. *сяошо*) в истории китайской литературы.

Данной теме посвящено три его работы: «Краткая история китайской сюжетной прозы» (Чжунго сяошо шилюз, 1925); «Историческое развитие китайской сюжетной прозы» (Чжунго сяошо дэ лиши дэ бяньцянь, 1924 г.); «Очерки по истории литературы эпохи Хань» (Хань вэньсюэ ши ганъяо, 1927 г., 1938 г.).

Первые два труда содержат изложение всей истории сюжетной прозы от древности до конца XIX в., третий – дает пример истории одного периода древности, но не всей, а только позднего периода: эпохи Хань (III в. до н.э. – III в.). Сравнивая их, можно судить о развитии взглядов Лу Синя на историю китайской сюжетной прозы.

В докладе рассматривается эволюция подходов к написанию истории *сяошо* и то, как менялись взгляды автора на некоторые ключевые вопросы развития этого жанра традиционной китайской литературы.

Сведения об авторе: Ульянов Марк Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела литератур стран Азии и Африки ИМЛИ РАН; e-mail: ulm@mail.ru

Чжао Хайбо

(Благовещенск, АмГУ)

ФОЛЬКЛОР КИТАЙСКИХ ПРОМЫСЛОВЫХ АРТЕЛЕЙ СЕВЕРО-ВОСТОКА СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.: ХАНЬСКАЯ ТРАДИЦИЯ И МИФОЛОГИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТИРА

В результате мощного миграционного процесса середины XIX – начала XX в., вошедшего в историю под названием «Прорыв в Гуаньдун», на Северо-Востоке Китая стали возникать и развиваться разнообразные промысловые артели (зверовщиков, рыбаков, ловцов жемчуга, золотодобытчиков, женишеньщиков, сплавщиков и др.), чей состав определяли ханьские переселенцы. В их духовных практиках и фольклорном творчестве соединялась общеханьская религиозная и фольклорная традиция, религиозные и фольклорные обычаи родных регионов и ритуально-мифологический комплекс жителей дальневосточного фронта. Полиэтническая мифология дальневосточного фронта синкретизировалась в фольклоре промысловых (трудовых) артелей с народной религией ханьского населения Центрального Китая (закон побратимства — с Законом Тайги; вера в локальных богов — с представлением о Лао Батоу артели и т. д.). Опираясь на промысловые практики зверования, рыболовства, женишениевого промысла, золотодобычи и т.д.) и специфическую систему религиозных традиций и ритуалов, китайские артельщики создали развернутую систему фольклорных жанров, обогащающих их культуру и выражающую особый способ самосознания.

Сведения об авторе: Чжао Хайбо — аспирант, научный сотрудник Центра изучения дальневосточной эмиграции Амурского государственного университета; сотрудник Посольства КНР в РФ; e-mail: 446789828@qq.com

О.В. Шуган

(Москва, ИМЛИ РАН)

**ДИАЛОГ ЛУ СИНЯ И ГОРЬКОГО СКВОЗЬ ВРЕМЯ И
ПРОСТРАНСТВО (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОГО
НАУЧНОГО ФОРУМА «ДИАЛОГ МАСТЕРОВ: ЛУ СИНЬ И
ГОРЬКИЙ» 29 МАЯ – 2 ИЮНЯ 2025 Г.)**

Лу Синь (1881-1936) и М. Горький (1868-1936) – писатели, которые принадлежат к разным странам и разным культурам. Однако между ними есть много общего – гуманисты, просветители нации, они были не только литераторами, но и активными борцами за демократию и справедливость, выразившими свои идеалы в художественном творчестве. Теме идейных и творческих пересечений двух великих художников слова был посвящен международный научный форум «Диалог мастеров: Лу Синь и Горький», проходивший с 29 мая по 2 июня 2025 г. в Китае. Мероприятие, организованное Культурным фондом Лу Синя, объединило деятелей науки и культуры Китайской Народной Республики и России. Программа включала диалоги и дискуссии, а также посещение Шаосина, Ханчжоу, Шанхая и других мест, где жил и работал Лу Синь.

29 мая 2025 г. в Ханчжоу в Чжецзянском университете прошел форум «Диалог мастеров: Лу Синь и Горький», на котором произошел обмен мнениями между исследователями творчества китайского и русского писателей, а также потомками М. Горького и Лу Синя. Модератором форума выступала профессор Ван Юн, декан факультета русского языка Института межнациональных исследований Чжецзянского университета. В заседании приняли участие исследователь творчества Лу Синя профессор Чжецзянского университета Хуан Цзянь, исследователь творчества М. Горького профессор Нанкинского университета Ван Цзе Чжи, исследователь творчества М. Горького старший научный сотрудник ИМЛИ РАН Ольга Владимировна Шуган. На конференции присутствовал Чжоу

Линфэй, внук Лу Синя и президент Культурного фонда Лу Синя. О деятельности фонда Максима Горького рассказал исполнительный директор фонда Тимофей Михайлович Пешков. Участники «Диалога мастеров» выразили уверенность, что это событие станет еще одной яркой главой в истории культурного обмена между Китаем и Россией.

Сведения об авторе: Шуган Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела изучения и издания творчества А. М. Горького ИМЛИ РАН; e-mail: olgashugan@gmail.com

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Д.А. Арефьев

(Москва, ИМЛИ РАН)

ПЕРЕВОД КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА: БАСНИ ЛУКМАНА И «КНИГА НАЗИДАНИЯ» УСАМЫ ИБН МУНКЫЗА В ИЗДАТЕЛЬСКОМ ПРОЕКТЕ «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В 1919 г. И.Ю. Крачковский начал активно работать в созданном по инициативе А.М. Горького издательстве «Всемирная литература», отвечая за проекты, которые связаны с переводом и публикацией произведений на арабском языке. В то же время он был занят преподавательской деятельностью в Петроградском университете и пригласил студентов к сотрудничеству с «Всемирной литературой». Одним из студентов оказался М.А. Салье (1899–1961), переведший под руководством И.Ю. Крачковского немало произведений средневековой арабской словесности. В частности, им были подготовлены русские версии басен Лукмана и «Книги назидания» Усамы ибн Мункыза, которые представляют значительный интерес с точки зрения взаимодействия культур Востока и Запада.

Выясняется, что выбор вышеуказанных текстов был продиктован двумя специфическими моментами: 1) басни Лукмана имели широкое распространение на Ближнем Востоке и представляют собой переработку первоначально сирийской «Повести об Ахикаре» и древнегреческих басен Эзопа, а в «Книге назидания» содержится арабский взгляд на историю крестовых походов и множество бытовых реалий средневекового арабоязычного общества; 2) и басни Лукмана, и «Книга назидания» уже были переведены на французский язык Ж. Деренбуром и Х. Деренбуром, поэтому предложение И.Ю. Крачковского осуществить их перевод на русский язык было принято с ориентацией на актуальную ситуацию в мировом востоковедении и в связи с желанием дать русскоязычному

читателю то, что уже есть у французского. Таким образом, казус перевода двух арабских текстов проливает свет на межкультурное взаимодействие не только в Средние века, но и в первой половине XX столетия.

Сведения об авторе: Арефьев Дмитрий Андреевич — младший научный сотрудник Отдела классических литератур Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН; ведущий библиотекарь Центра междисциплинарных исследований Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино; e-mail: dima-aref@mail.ru

М.А. Ариас-Вихиль
(Москва, ИМЛИ РАН)

**ЕВГЕНИЙ БЕРТЕЛЬС И РАННЕЕ СОВЕТСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗДАТЕЛЬСТВА
«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»)**

Евгений Эдуардович Бертельс (1890-1957) получил второе высшее образование на кафедре иранской филологии факультета восточных языков Петроградского университета в 1920 г., уже будучи членом Восточной коллегии издательства «Всемирная литература» (с 1918 г.). В это время увлечение восточными языками привело его на работу в Азиатский музей и позволило осуществить ряд важных переводов с персидского и турецкого языков. В протоколах издательства «Всемирная литература» отразились этапы его работы над переводами Саади, Сезаи, Нахшаби, Аттара, Низами, которые были опубликованы в 1922-24 гг. отдельными изданиями и в журнале «Восток». Протоколы Восточного отдела издательства «Всемирная литература» являются важнейшим свидетельством становления раннего советского востоковедения, продолжившего лучшие традиции российской науки в сложных условиях постреволюционной России.

Сведения об авторе: Ариас-Вихиль Марина Альбиновна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН; e-mail: marina.arias@mail.ru

Н.А. Дровалева
(Москва, ИМЛИ РАН)

ТИБЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА» (Б.Я. ВЛАДИМИРЦОВ И Ю.К. ЩУЦКИЙ)

В рамках существования издательства «Всемирная литература» (1918–1925) планировалось подготовить переводы тибетской литературы, что отражено в каталоге издательства по восточному направлению («Литература Востока»). В разделе под названием «Тибетцы» указаны следующие тексты: «Произведения Миларайбы», «Легенды о Падмасамбхаве», «Антология», «Народная словесность». На материале неопубликованных архивных единиц, содержащихся в Архиве А.М. Горького ИМЛИ РАН, РГАЛИ, СПбФ АРАН, определен круг лиц, занимавшихся тибетской литературой в рамках издательства – секретарь восточного отдела монголовед Б.Я. Владимирцов и специалист по китайской литературе Ю.К. Щуцкий. Помимо переводов (например, Б.Я. Владимирцовым переведены отрывки из «Гур-бума» для журнала «Восток») специалистами были подготовлены аналитические статьи о тибетской литературе и тибетской драме в частности, а также небольшие заметки об истории вопроса. Среди неопубликованных материалов, отложившихся в архиве, отдельно отметим статью Б.Я. Владимирцова «Тибетская литература», отражающую современный исследователю этап восприятия тибетских текстов.

Сведения об авторе: Дровалева Наталия Алексеевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела русской литературы конца XIX – начала XX века ИМЛИ РАН; e-mail: n.drovaleva@mail.ru

Ю.М. Егорова

(Москва, ИМЛИ РАН)

**«... Я РАДОСТНО УВЕРЕН, ЧТО ДАЛЬНЕЙШИЙ РОСТ ЭНЕРГИИ
ЯПОНЦЕВ РАЗБУДИТ ТВОРЧЕСКИЕ СИЛЫ ВСЕГО
ВОСТОКА...»: АДРЕСАТЫ М. ГОРЬКОГО В СТРАНЕ
ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА**

Обзор части каталога Архива А.М. Горького в ИМЛИ, охватывающей переписку писателя с иностранными корреспондентами, выявил большое число адресатов и стран. Япония также оказалась в этом списке. Однако количество адресатов и самих писем представлено не в таком внушительном объёме, как, например, Франция, Германия и др. Предположительно, причина этому кроется в географической удалённости страны, сложных политических отношениях между Россией и Японией на рубеже XIX-XX вв. и целом ряде других причин.

Эпистолярная коллекция японских адресатов Горького насчитывает 16 корреспондентов, с четырьмя из них (О. Курода, С. Ямамото, К. Исида и Ф. Миякава) он находился в непродолжительной переписке. Письма охватывают временной диапазон с 1906 по 1935 гг., адресаты являются представителями различных социальных слоёв, профессий и возрастов, однако все они проявляли искренний интерес к России, русской литературе, а также любовь и уважение к личности М. Горького, его писательскому таланту и общественной деятельности.

Сведения об авторе: Егорова Юлия Михайловна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела изучения и издания творчества А. М. Горького ИМЛИ РАН; e-mail: fram1976@mail.ru

И.Н. Исакова

(Москва, МГУ)

ГЕРОЙ В ТРАДИЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ И ВОСТОЧНЫХ ЛИТЕРАТУРАХ)

В Древности герой должен иметь божественное происхождение, чем были обусловлены его сверхспособности, в действительности являющиеся талантами. В литературе Средних веков герой не обязательно имеет божественное происхождение. Герои совершают подвиги, представление о которых очень разное: не только физическое уничтожение врагов, но и умение выстраивать сложные стратегии (Китай). В Европе герой фактически не имеет право на ошибку, а на Востоке имеет. В Европе герой должен умереть на поле брани с оружием в руках, в Индии он должен победить и насладиться установившимся новым порядком. В Китае герой должен идти к поставленной цели, но может и не достичь ее (если она настолько масштабна), что не умаляет его подвигов. В Европе герой обычно действует в одиночку, а на Востоке рядом с ним может быть мудрый советчик (Кришна и Арджуна), он может принимать решения, учитывая мнение других или давая им возможность действовать самостоятельно (Юдхиштхира).

Сведения об авторе: Исакова Ирина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент Кафедры теории литературы Филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: mandala-1@yandex.ru

Е.Ю. Куликова

(Новосибирск, ИФЛ СО РАН)

ТРОПИЧЕСКИЙ ТОПОС В СТИХОТВОРНОЙ КНИГЕ ЮРИЯ ГАЛИЧА «ОРХИДЕЯ»

Среди поэтов Серебряного века, вошедших в литературу Русского Востока (Харбин, Шанхай, Дальний Восток), нельзя не отметить фигуру Г.И. Гончаренко, журналиста, публициста, поэта и прозаика, творившего под литературным псевдонимом *Юрий Галич*. Экзотические мотивы у Галича отсылают к Африке Гумилева; Восточная Азия тоже становится предметом описания в «Орхидее». Стихи Галича литературны, созданы под знаком символистов, акмеистов, эгофутуриста Северянина, Бунина, Лермонтова. «Тропические» стихотворения вписываются в пространство Индии, Цейлона, Сингапура: пространство это условное, воображаемое, изобилующее традиционными деталями, используемыми символистами. Галич вслед за Буниным интересовался философией тропического топоса, размышлял о сложной связи и непохожести Востока и Запада, о покорении мира и его разрушении.

Сведения об авторе: Куликова Елена Юрьевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий Сектором литературоведения Института филологии СО РАН; e-mail: kulis@mail.ru

Кумар Анураг

(Самара, Самарский университет)

«ВОСТОЧНЫЙ СИНКРЕТИЗМ» В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ

Л.Н. ТОЛСТОГО

Художественное сознание по природе своей синкретично, становится основой для синтеза социальных, этических, метафизических, религиозных и экзистенциальных прозрений.

В поздних произведениях Толстого искусство, философия и религия сливаются в глубоком духовном поиске Истины: Толстой не столько признает религиозный плюрализм, сколько живет синкретизмом, соединяя индуистскую метафизику, буддийскую психологию и христианскую этику в единое духовное видение. Для толстовского мировидения характерен «миксотеизм», «смешение религиозных представлений различного рода, часто даже противоречащих друг другу», – черта, свойственная «тонко чувствующим людям» (Э. Геккель).

В «Исповеди» Толстой сталкивается с глубоким экзистенциальным кризисом и ставит вопрос: «Зачем мне жить <...> Есть ли в моей жизни такой смысл?» Это не душевное, а духовное отчаяние, сродни тому, что испытывает искатель из Упанишад: «Кто я? Что такое этот мир? Что такое смерть?». Его ум, душа становятся полем битвы, и здесь его путь соприкасается с буддийским Срединным путем. Его вопрос становится не «Зачем мне жить?», а «Как мне жить в мире?»

Эта экзистенциально-философская мысль лежит в основе и «Смерти Ивана Ильича». Герой живет видимостями и умирает в муках, но его смерть становится моментом самсарического растворения и пробуждения. Его смерть – не трагедия, а мукти: духовное освобождение сродни мокше или нирване. В последнем акте агапического сострадания он благословляет

окружающих, и в этом движении души заметна параллель с подвигом Иисуса Христа.

В полной мере решение проблемы «освобождения» Толстой выразил в трактате «Царство Божие внутри вас». В его видении Царство Божие не находится ни над, ни за его пределами – оно внутри «нас», так же как Брахман – Атман, а нирвана – правильно увиденная самсара. Синкретизм Толстого – это внутреннее слияние – место, где смерть, нравственность и духовное освобождение – не доктрины, а пережитые трансформации, – преобразование.

Сведения об авторе: Кумар Анураг — аспирант Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П.Королева; e-mail: anuragkmonu@gmail.com

Л.Г. Ларионова

(Москва, ГПИИБ)

**ЖУРНАЛ «ВОСТОК» (1922–1925) КАК ПРОЕКТ КУЛЬТУРНОГО
ПОСРЕДНИЧЕСТВА: ЗАМЫСЛЫ, РЕАЛИЗАЦИЯ И ИСТОРИКО-
НАУЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОДГОТОВКИ 1-ГО НОМЕРА)**

Доклад посвящен журналу «Восток» (1922–1925, книги 1–5), организованному под эгидой издательства «Всемирная литература». По замыслу создателей, журнал должен был носить научно-популярный характер и освещать все стороны культуры Востока — литературу, искусство, философию, историю и другие гуманитарные аспекты, за исключением политики. Такой подход отражал стремление редакции сосредоточиться на межкультурном диалоге в сложный послереволюционный период. В редакционную коллегию вошли ведущие востоковеды, сотрудничавшие с «Всемирной литературой»: В.М. Алексеев, Б.Я. Владимирцов, И.Ю. Крачковский, С.Ф. Ольденбург и А.Н. Тихонов (заведующий редакцией). Их участие гарантировало высокий научный уровень издания, но одновременно привело к сложностям из-за загруженности исследователей иной работой. Основой для анализа журнала стали более 40 протоколов заседаний Восточного отдела, позволивших реконструировать процесс подготовки статей для первого номера (1922, кн. 1), а также финансовые документы, раскрывающие вопросы оплаты авторов и организационные трудности. Сопоставление заявленных планов редакции с реальным содержанием номера выявило существенные расхождения между задуманным и реализованным. Несмотря на амбициозные планы, редколлегия столкнулась с рядом сложностей: от некоторых материалов пришлось отказаться, другие были сокращены или перенесены в следующие выпуски. Например, статья В.А. Эбермана о восточных мотивах в русской поэзии была заменена на работу И.Ю. Крачковского «О новой арабской

литературе», а переводы В.К. Шилейко из ассиро-вавилонского эпоса («Иштар», «Элегия», «Навуходоносор») вошли в номер лишь частично. Протоколы также позволили уточнить вклад каждого члена редколлегии в подготовку первого номера. Так, С.Ф. Ольденбург координировал общую работу, В.М. Алексеев отвечал за хронику и библиографические разделы, а И.Ю. Крачковский курировал художественные переводы и беллетристику. В целом журнал «Восток» стал важным, но не до конца реализованным проектом, отразившим как потенциал советского востоковедения 1920-х гг., так и объективные трудности эпохи — нехватку финансирования, организационные сложности и высокую загруженность авторов. Тем не менее его материалы остаются ценным источником для изучения истории науки и культурных связей между Россией и Востоком. Дальнейшие исследования могли бы включить анализ последующих номеров журнала и их рецепции в научной среде того времени.

Сведения об авторе: Ларионова Людмила Геннадьевна — кандидат исторических наук, заведующий Отделом истории книжной культуры Государственной публичной исторической библиотеки России; e-mail: larionova_l@list.ru

Е.Р. Матевосян

(Москва, ИМЛИ РАН)

**МАКСИМ ГОРЬКИЙ И ЛИТЕРАТОРЫ СТРАН ЮЖНОЙ,
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
АРХИВА А.М. ГОРЬКОГО)**

В эпоху, когда идеи мирного сосуществования и дружбы народов вновь пытаются завоевать мысли и воодушевить десятки миллионов людей, особенную актуальность приобретает проблема взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур, проблема творческих контактов писателей различных стран и, более того, история этих взаимосвязей и взаимодействий.

Стремление Горького наладить контакт между прогрессивными силами всего мира, объединить «мастеров культуры» под лозунгами гуманизма и интернационализма ярко отразилось уже в самой ранней его переписке с иностранцами. Именно огромное и чрезвычайно разнообразное эпистолярное наследие писателя, отразившее его литературную и общественную деятельность, даёт необычайно богатый материал для изучения истории взаимосвязей и взаимодействий.

Международные связи Горького были исключительно обширны. Ему писали со всех концов мира, писали люди самых различных национальностей, различных убеждений. Тематика этих писем неисчерпаемо разнообразна: от философских и эстетических проблем до просьбы об автографе.

Особенный интерес в этом эпистолярном потоке представляют письма литераторов. Как бы ни были разнообразны и не похожи друг на друга писатели — корреспонденты Горького, все они видят в нем человека, сказавшего новое слово в искусстве, видят в нем, как выразился в письме

аргентинский писатель Кастиньейрас, «совершенное проявление славянского гения».

Удивительна была сила идейного и нравственного воздействия Горького на передовых зарубежных писателей. К нему обращаются как к учителю жизни, как к борцу за справедливость, как к носителю активной, творчески-преобразующей мысли. Конечно, далеко не всегда идейные позиции Горького и его корреспондентов совпадают. Но авторитет Горького в широких кругах зарубежной демократической общественности в то время незыблем. К Горькому тянутся «мастера культуры» разных стран, более того, они раскрывают перед ним свои сокровенные раздумья.

В докладе будут представлены эпистолярные контакты Горького с литераторами и литературными организациями стран Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии: Индии, Китая, Японии, Вьетнама и других стран региона.

Сведения об авторе: Матевосян Елена Рафаэловна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Архивом А.М. Горького ИМЛИ РАН; e-mail: e.startzeva@yandex.ru

О.Е. Цмыкал

(Благовещенск, АмГУ)

**ОТРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЙ УССУРИЙСКИХ
МАНЬЦЗ (ЖЕНЫШЕНЬЩИКОВ) В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЭТНОГРАФИИ А.Я. МАКСИМОВА**

(Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №
24-18-00807, <https://rscf.ru/project/24-18-00807>)

Александр Яковлевич Максимов – прозаик, публицист, журналист. В 1868 поступил в Морское училище, с отличием окончил его в 1872. Осенью того же года на корвете «Аскольд» ушел из Кронштадта в плавание на Дальний Восток.

Очерки этого путешествия составили книгу «Вокруг света. Плавание корвета „Аскольд“». После книг И. Гончарова, Н. Пржевальского, Г. Невельского столичная публика быстро обратила внимание и на рассказы Максимова. К сожалению, нам пока неизвестно доподлинно, как происходил сбор ценного этнографического материала, нашедшего отражение в рассматриваемой повести, насколько тесно А.Я. Максимов взаимодействовал с «иногородцами» Уссурийского края, встречался ли с хунхузами и женьшеньщиками и умел ли объясниться с ними. Тем не менее, анализируя особенности жизненного уклада обитателей тайги, их поведенческие реакции и религиозные обычаи, изображаемые автором в повестях «За драгоценным корнем» и «Волшебная падь», мы можем справедливо предполагать, что творчество Максимова оказало серьезное влияние на дальнейшее развитие художественной этнографии в дальневосточном изводе. Художественно-этнографическая проза А.Я. Максимова характеризуется ярко выраженной региональной спецификой, что проявляется в реалиях, географических, этнических, этнокультурных, этнорелигиозных аспектах, которые фиксирует автор.

Сведения об авторе: Цмыкал Ольга Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент Кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета; e-mail: olgatsmykal@yandex.ru

Я.Д. Чечнёв

(Москва, ИМЛИ РАН)

ПАРОДИЙНАЯ «ИСТОРИЯ ТРЕХ ТРУБАДУРОВ» В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ КУЛЬТУРЫ РАННЕГО СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Пародийная «История трех трубадуров», созданная в среде петроградских востоковедов в первой половине 1920-х гг., представляет собой ценный историко-культурный источник, позволяющий с другого ракурса взглянуть на внутреннюю жизнь научного сообщества в период радикальных социальных трансформаций. Этот уникальный документ эпохи, возникший на стыке академической традиции и новой советской реальности, отражает сложные процессы адаптации интеллектуальной элиты к изменившимся политическим и социальным условиям. Анализ текста раскрывает несколько значимых аспектов научной культуры того времени. Во-первых, через призму юмора и литературной пародии авторы фиксируют и осмысляют ключевые профессиональные дискуссии, внутрикорпоративные конфликты и неформальные отношения внутри научного сообщества. Во-вторых, текст содержит важные свидетельства о механизмах сохранения академической преемственности — в иронической форме здесь прослеживается ностальгия по дореволюционной академической свободе и попытки адаптировать прежние ценности к новым условиям.

Особый интерес представляет исследование коммуникативных функций этого произведения. «История трех трубадуров» служила своеобразным «социальным клеем», поддерживающим единство профессионального сообщества в условиях внешнего давления. Через шутку и иронию ученые поддерживали корпоративную солидарность.

Рассматривая этот текст в контексте научной культуры

раннесоветского периода, мы можем выделить три основных уровня его значения: как исторический источник о повседневной жизни ученых, как пример неформальных практик сопротивления идеологизации науки, как своеобразный документ интеллектуальной истории, отражающий трансформацию гуманитарного знания в новых условиях.

Таким образом, изучение этого пародийного произведения позволяет существенно дополнить институциональную историю раннего советского востоковедения «человеческим измерением», раскрывая личные стратегии ученых, их способы адаптации к изменениям и механизмы сохранения профессиональной идентичности в переходную эпоху.

Сведения об авторе: Чечнёв Яков Дмитриевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела изучения и издания творчества А. М. Горького ИМЛИ РАН; e-mail: ya.d.chechnev@yandex.ru